

РЕШАД НУРИ
ГЮНТЕКИН

Королек – птичка певчая

Разум и чувства

Решад Гюнтекин

Королек – птичка певчая

«РИПОЛ Классик»

1922

УДК 82/89
ББК 84.5Ту

Гюнтекин Р. Н.

Королек – птичка певчая / Р. Н. Гюнтекин — «РИПОЛ Классик»,
1922 — (Разум и чувства)

ISBN 978-5-370-04777-0

Решад Нури Гюнтекин (1889–1956)°— классик турецкой литературы. Он прославился как автор множества романов и пьес, в которых были подняты важнейшие вопросы существования человека в обществе. Всемирную же известность ему принесла книга о любви — «Королек — птичка певчая». Ее экранизация с Айдан Шенер и Кенаном Калавом в главных ролях потрясла зрителей, превратив роман в одну из самых популярных книг XX°века. В центре романа — судьба красавицы Фэридэ, которая узнает о неверности своего возлюбленного. Оскорбленная девушка бежит из дома. Но впереди ее ждут немалые препятствия и изощренные интриги окружающих. Преодолев их, она сможет найти заслуженное счастье.

УДК 82/89

ББК 84.5Ту

ISBN 978-5-370-04777-0

© Гюнтекин Р. Н., 1922
© РИПОЛ Классик, 1922

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Решад Гюнтекин

Королек – птичка певчая

Reşat Nuri Güntekin
Çalıkuşu

© 1922 Reşat Nuri Güntekin. Произведение защищено международными конвенциями об авторском праве. Издание выходит по согласованию с Telif Hakları ONK Ajans Ltd. Şti. Турция, 2016

© Печенев И. А., перевод на русский язык, 1966

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Черная речка», 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2021

* * *

Часть первая

Б..., сентябрь 19... г.

Я училась в четвертом классе. Мне было лет двенадцать. Как-то раз учительница французского языка, сестра Алекси, дала нам задание.

– Постарайтесь описать ваши первые детские впечатления, – сказала она. – Интересно, что вы вспомните?.. Это хорошая гимнастика для воображения!

Насколько я себя помню, я всегда была ужасной проказницей и болтуней. В конце концов воспитательницам надоели мои проделки и меня посадили отдельно от всех на маленькую одноместную парту в углу класса.

Директриса сделала внушение:

– Пока не перестанешь болтать и мешать своим подружкам, пока не научишься вести себя примерно на уроках, будешь сидеть отдельно, вот здесь – в ссылке.

Справа от меня тянулся к потолку здоровенный деревянный столб, мой серьезный, безмолвный, долговязый сосед. Он без конца вводил меня в искушение и поэтому вынужден был стоически переносить все царапины и порезы, которыми награждал его мой перочинный ножик.

Слева – узкое высокое окно, всегда прикрытое наружными ставнями. Мне казалось, его назначение – специально создавать прохладу и полумрак, неизбежные атрибуты монастырского воспитания. Я сделала важное открытие. Стоило прижаться грудью к парте, чуть-чуть приподнять голову, и сквозь щель в ставнях можно было увидеть клочок неба, ветку зеленой акации, одинокое окно да решетку балкона. По правде говоря, картина не очень интересная. Окно никогда не открывалось, а на балконной решетке почти всегда висели маленький детский матрасик и одеяльце. Но я была рада и этому.

На уроках я опускала голову на сплетенные под подбородком пальцы, и в такой позе учителя находили мое лицо весьма одухотворенным, а когда я поднимала глаза к небу, настоящему голубому небу, которое проглядывало сквозь щель в ставнях, они радовались еще больше, думая, что я уже начала исправляться. Обманывая так своих воспитательниц, я испытывала удивительное наслаждение, я мстила им. Мне казалось, что там, за окном, они прячут от нас жизнь...

Пояснив, как надо писать, сестра Алекси предоставила нас самим себе.

Первые ученицы класса – украшение передних парт – тотчас принялись за работу. Я не сидела рядом с ними, не заглядывала через плечо в их тетради, но я точно знала, о чем они пишут. Это была поэтическая ложь примерно такого содержания:

«Первое, что я помню в жизни, – это златокудрая нежная головка дорогой мамочки, склоненная над моей маленькой кроваткой, и ее голубые, небесного цвета глазки, обращенные ко мне с улыбкой и любовью...»

На самом же деле бедные мамочки, кроме золотистого и небесно-голубого, могли быть обладательницами и других цветов, однако эти два были для них обязательны, а для нас, учениц *sœurs*¹, такой стиль считался законом.

Что касается меня, то я была совсем другим ребенком. Матери я лишилась очень рано, о ней у меня сохранились самые смутные воспоминания. Одно несомненно – у нее не было златокудрых волос и небесно-голубых глаз. Но все равно никакая сила на свете не могла заставить меня подменить в памяти подлинный образ матери каким-нибудь другим.

¹ Сестры (*фр.*); здесь – воспитательницы во французском католическом пансионе.

Я сидела и ломала голову. О чем писать?.. Часы с кукушкой, висевшие под изображением Святой Девы Марии, ни на минуту не замедляли своего бега, а мне все никак не удавалось сдвинуться с места.

Я развязала ленту на голове и теребила волосы, опуская пряди на лоб, на глаза. В руке у меня была ручка. Я мусолила ее, грызла, водила ею по зубам...

Как известно, философы, поэты имеют привычку почесывать во время работы нос, скрести подбородок. Вот так и у меня; грызть ручку, напускать на глаза волосы – признак крайней задумчивости, глубокого размышления.

К счастью, подобные случаи были редки. К счастью?.. Да! Иначе жизнь походила бы на спутанный клубок, который так же трудно распутывается, как и сюжеты наших сказок о Чаршамба-карысы и Оджаканасы.

* * *

Прошли годы. И вот сейчас, в чужом городе, в незнакомой гостинице, я одна в комнате и пишу в дневнике все, что могу вспомнить. Пишу только для того, чтобы победить ночь, которая, кажется, длится вечность!.. И опять, как в далеком детстве, я тереблю свои волосы, опускаю прядь на глаза...

Как родилась эта привычка?.. Мне кажется, в детстве я была слишком беспечным, чересчур легкомысленным ребенком, который бурно реагировал на все проявления жизни, бросаясь в ее объятия. Вслед за этим неизменно наступали разочарования. Вот тогда-то, стараясь остаться наедине с собой, со своими мыслями, я пыталась сделать из своих волос покрывало, отгородиться им от всего мира.

Что касается привычки грызть ручку, точно вертел с шашлыком, этого, откровенно говоря, я объяснить не могу. Помню только, что от чернил губы у меня постоянно были фиолетового цвета. Однажды (я была уже довольно взрослой девочкой) меня пришли навестить в пансион. Я вышла на свидание с намалеванными под носом усами, а когда мне сказали об этом, чуть не сгорела от стыда.

О чем я рассказывала?.. Да... Сестра Алекси дала нам задание: вспомнить свои первые впечатления в жизни, написать сочинение. Никогда не забуду: несмотря на все мои старания, я смогла написать только следующее:

«Мне кажется, я родилась в озере, как рыба... Не могу сказать, что я совсем не помню своей матери... Помню также отца, кормилицу, нашего денщика Хюсейна... Помню черного коротконового пса, который гонялся за мной по улице... Помню, как однажды я воровала из корзины виноград и меня ужалила в палец пчела... Помню, у меня болели глаза и мне их закапывали красным лекарством... Помню наш приезд в Стамбул с любимым Хюсейном... Помню многое другое... Но не это – мои первые впечатления, все это было гораздо позже...

Совсем, совсем давно, мне помнится, я барахталась нагишом в своем любимом озере среди огромных листьев. Озеро не имело ни конца ни края и походило на море. По нему плавали громадные листья, оно было со всех сторон окружено деревьями... Вы спросите, как может озеро с листьями на поверхности и высокими деревьями вокруг походить на море?.. Клянусь, я не обманываю. Я сама, как и вы, удивляюсь этому... Но это так... Что поделаешь?..»

Когда потом мое сочинение читали в классе, все девочки поворачивались ко мне и громко смеялись. Бедной сестре Алекси с трудом удалось успокоить их и добиться тишины в классе.

А ведь предстань теперь передо мной сестра Алекси, похожая на обуглившуюся жердь в своем черном платье с ослепительно белым воротничком, с бескровным прыщеватым лицом в обрамлении капюшона, напоминающего женскую чадру, откинутую на лоб, с губами, красными, как гранатовый цветок, – предстань она теперь передо мной и задай тот же самый вопрос,

я, наверно, не смогла бы ответить иначе, чем тогда на уроке французского языка, и опять стала бы доказывать, что родилась, как рыба, в озере.

Уже позже я узнала, что это озеро находится в районе Мосула, возле маленькой деревушки, название которой я всегда забываю; и мое бескрайнее, безбрежное море – не что иное, как крохотная лужица, остатки пересохшей реки, с несколькими деревьями на берегу.

* * *

Отец мой служил тогда в Мосуле. Мне было года два с половиной. Стояло знойное лето. В городе невозможно было оставаться. Отцу пришлось отправить нас с матерью в деревню. Сам он каждое утро верхом уезжал в Мосул, а вечером после захода солнца возвращался.

Мать настолько тяжело болела, что не могла присматривать за мной. Долгое время я была предоставлена самой себе и ползала с утра до вечера по пустым комнатам. Наконец в соседней деревушке нашли одинокую женщину-арабку по имени Фатма, у которой недавно умер ребенок; и Фатма стала моей кормилицей, отдав мне любовь и нежность материнского сердца.

Я росла, как все дети этого пустынного края. Фатма, привязав меня, точно куль, за спину, таскала под знойным солнцем, взбираясь со мной на вершины финиковых пальм.

Как раз в то время мы перебрались в деревушку, о которой я уже говорила. Каждое утро, захватив с собой какую-нибудь еду, Фатма уносила меня в рощицу и голышом сажала в воду. До самого вечера мы возились, барахтались с ней в озере, распевали песни и тут же подкреплялись едой. Когда нам хотелось спать, мы сооружали из песка подушки и засыпали в обнимку, прижавшись друг к другу. Тела наши были в воде, а головы на берегу.

Я так привыкла к этой «водяной» жизни, что, когда мы вернулись в Мосул, я почувствовала себя рыбой, которую вытащили из воды. Я без конца капризничала, была возбуждена или, сбросив с себя одежду, постоянно выскакивала на улицу нагишом.

Лицо и руки Фатмы были разукрашены татуировкой. Я так привыкла к этому, что женщины без татуировки казались мне даже безобразными.

Первым большим горем в моей жизни была разлука с Фатмой.

Переезжая из города в город, мы наконец добрались до Кербелы. Мне исполнилось четыре года. В этом возрасте уже почти все понимаешь.

Фатме улыбнулось счастье, она вышла замуж. Как сейчас, помню день, когда она вновь стала новобрачной: какие-то женщины, казавшиеся мне удивительными красавицами, так как на лице у них была татуировка, как у Фатмы, передают меня из рук в руки и наконец усаживают рядом с кормилицей. Помню, как мы едим, хватая руками угощения с больших круглых подносов, которые ставили прямо на пол. Голова моя гудит от звона бубнов и грохота медных барабанов, похожих на кувшины для воды. В конце концов усталость берет свое, и я засыпаю прямо на коленях у своей кормилицы...

Не знаю, была ли жива святая наша мать Фатма, когда ее сына, имама Хюсейна, убили в Кербеле²; но даже если бедная женщина и дожила до того черного дня, все равно, я думаю, ее стенания были ничто по сравнению с теми воплями, которые испускала я на следующий день после свадебного пира, проснувшись на руках у какой-то незнакомой женщины.

² Фатма (араб. Фатима) – дочь пророка Мухаммеда, жена имама Али, двоюродного брата пророка и четвертого халифа. После смерти Мухаммеда (632) борьба за власть в арабском халифате шла между потомками пророка, сыновьями и племянниками имама Али, и Халифом Язидом из династии Омейядов. Хюсейн – сын Фатмы и Али, погиб в битве при Кербеле в 680 г., окруженный войсками Язида. В Кербеле находится гробница Хюсейна – место паломничества мусульман.

Словом, сдается мне, Кербела со времен своего основания не была свидетелем столь бурного проявления человеческого горя. И когда у меня от крика пропал голос, я, как взрослая, объявила голодовку.

Тоску по моей кормилице помог мне забыть спустя много месяцев кавалерийский солдат по имени Хюсейн. Во время учебных занятий он свалился с лошади и стал инвалидом. Отец взял его к себе денщиком.

Хюсейн был чудаковатый малый. Он быстро привязался ко мне, я же на его любовь отвечала вначале непростительным вероломством. Мы не спали с ним вместе, как с Фатмой, но каждое утро, открыв глаза с первыми петухами, я вскакивала и стремглав бросалась в комнату Хюсейна, садилась верхом ему на грудь, как на лошадь, и пальцами открывала веки.

Прежде Фатма ходила со мной в сад, водила в поле. А теперь Хюсейн приучил меня к казарме, к солдатскому быту. Этот огромный длинноусый человек обладал удивительной способностью и искусством придумывать всевозможные игры. И вся прелесть заключалась в том, что большинство этих игр напоминало опасные приключения, от которых сердце уходило в пятки. Например, Хюсейн бросал меня вверх, словно я – резиновый мячик, и ловил у самой земли. Или же он сажал меня к себе на папаху и, придерживая за ноги, прыгал, затем быстро вертелся на одном месте. Волосы у меня лохматились, в глазах рябило, захватывало дыхание, я визжала и захлебывалась от восторга. Подобного наслаждения я больше никогда не испытывала в жизни!..

Конечно, не обходилось и без несчастных случаев. Но у нас с Хюсейном был твердый уговор: если во время игры мне доставалось, я не должна была плакать и жаловаться на него. Я, как взрослая, научилась хранить тайну. Дело не столько в моей честности, просто я боялась, что Хюсейн перестанет со мной играть.

В детстве меня называли задирой. Кажется, это соответствовало действительности. Играя с детьми, я всегда кого-нибудь обижала, доводила до слез. Очевидно, эта черта была следствием игр, которым меня научил Хюсейн. От него же я унаследовала еще одно качество: не падать духом в трудную минуту, встречать беду с улыбкой.

Иногда в казарме Хюсейн заставлял анатолийских солдат играть на сазе³, а сам сажал меня на голову, точно я была кувшином, и исполнял какие-то странные танцы.

Одно время мы с Хюсейном занимались «конокрадством». В отсутствие отца он тайком уводил из конюшни его лошадь, сажал меня впереди себя на седло, и мы часами ездили по степи. Однако нашим развлечениям скоро пришел конец. Не могу точно утверждать, но, кажется, повар выдал нас отцу. Бедный Хюсейн получил две оплеухи и больше никогда не осмеливался подойти к лошади.

Говорят, настоящая любовь не бывает без драки и крика. Мы с Хюсейном ссорились на дню раз по пяти.

У меня была своеобразная манера дуться. Я забивалась в угол, садилась на пол и отворачивалась к стенке. Хюсейн сначала, казалось, не обращал на меня внимания, потом, сжалившись, подхватывал меня на руки, подбрасывал вверх, заставляя оглушительно визжать. Я еще некоторое время капризничала на руках у Хюсейна, ломалась, потом наконец соглашалась поцеловать его в щеку. Так мы мирились.

Наша дружба с Хюсейном продолжалась два года. Но те годы совсем не похожи на теперешние. Они были такие долгие, такие бесконечные!..

Может, нехорошо, что, вспоминая свое детство, я все время говорю про Фатму и Хюсейна?..

Мой отец был кавалерийский офицер, майор. Звали его Низамеддин. Вскоре после женитьбы на моей матери его перевели в Диарбекир. Мы уехали из Стамбула и больше туда

³ Саз – музыкальный инструмент.

не вернулись. Из Диарбекира отца перевели в Мосул, из Мосула в Ханекин, оттуда в Багдад, затем в Кербелу⁴. Ни в одном из этих городов мы не жили больше года.

Все говорят, я очень похожа на мать. У меня есть фотография, где отец и мать сняты в первый год после свадьбы. Действительно, я – ее копия. Вот только здоровьем несчастная женщина никак не походила на меня. Болезненная от природы, она не могла привыкнуть к суровому климату гор и зною пустынь, ей было трудно переносить переезды. Кроме того, я думаю, она была чем-то тяжело больна. Вся замужняя жизнь бедной мамы прошла в том, что она старалась скрыть свой недуг. Понятно: она очень любила отца и боялась, что ее насильно разлучат с ним.

Отца отсылали все дальше и дальше от Стамбула. Каждый раз перед дорогой он говорил маме:

– Поезжай ты на сезон, ну хоть месяца на два, к матери. Бедная старушка... Она, верно, так соскучилась по тебе!..

Но мать только сердилась:

– Разве у нас был такой уговор?.. Мы же собирались вместе вернуться в Стамбул!..

Когда разговор заходил о ее болезни, она протестовала:

– Ничего у меня не болит. Устала немного. Погода переменялась, поэтому... Пройдет...

Она скрывала от отца свою тоску по родному Стамбулу. Но возможно ли было это скрыть?

Стоило ей вздремнуть хотя бы на минутку, проснувшись, она уже начинала рассказывать бесконечный сон про наш особняк и рощу в Календере, о водах Босфора. Какая, надо думать, тоска гложет сердце человека, если он в несколько минут умудряется видеть такие длинные сны. Не так ли?

Моя бабка не раз обращалась в военное министерство, ходила к большим начальникам, плакала, умоляла, но все ее хлопоты о переводе отца в Стамбул не дали никаких результатов.

Неожиданно болезнь матери обострилась. Отец решил взять ее в Стамбул, подал рапорт об отпуске и, не дожидаясь ответа, двинулся в путь.

Хорошо помню наш переезд через пустыню на верблюдах в махфе⁵.

Когда мы добрались до Бейрута и увидели море, матери стало как будто полегче. Мы остановились у знакомых. Мать сажала меня к себе на кровать, расчесывала волосы, прижималась головой к моей груди и плакала, глядя на мои грязные руки и платице без единой пуговицы.

Дня через два ей стало лучше, она смогла встать, даже вынула из сундука новые платья, принарядилась. Вечером мы спустились вниз встречать отца.

Отец остался жить в моей памяти как суровый солдат, строгий, немного дикий. Но никогда не забуду, как он обрадовался, увидев мать на ногах, как он плакал, схватив ее за руки, словно ребенка, который только начинает ходить.

Это был последний вечер, когда мы были вместе. На следующий день мать нашли у открытого сундука мертвой с кровавой пеной на губах. Голова ее покоилась на узелке с бельем.

Шестилетний ребенок должен понимать уже многое. Но я почему-то оставалась спокойной, словно ничего не замечала.

В доме, где мы поселились, было много обитателей. Помню, я каждый день дралась с ребятишками в большом саду. Помню, как мы с Хюсейном бродили по улицам города, по набережной, заходили во дворы мечетей, любовались куполообразными крышами.

⁴ Диарбекир – город в Турции; Мосул, Багдад, Кербела – города в Ираке, которые до Первой мировой войны входили в состав Османской империи.

⁵ Махфе – крытые сиденья по бокам верблюда.

Мать похоронили на чужбине. Отцу уже незачем было ехать в Стамбул. Видно, ему также не очень хотелось встречаться с моей бабушкой и многочисленными тетушками. Однако он счел своим долгом отправить к ним меня. Возможно, он решил, что жизнь среди солдат в казармах не слишком подходяща для взрослой девочки.

* * *

В Стамбул меня отвез наш денщик Хюсейн.

Представьте себе роскошный пароход и маленькую девочку на руках у плохо одетого солдата-араба. Кто знает, какой жалкой и смешной казалась эта картина со стороны. Но сама я была страшно счастлива оттого, что совершаю путешествие с Хюсейном, а не с кем-нибудь другим.

Наша дача стояла на берегу моря. В роце за домом был каменный бассейн, украшенный статуей, изображавшей нагого мальчика с отбитыми по плечи руками.

В первые дни нашего приезда эта почерневшая от солнца и сырости изуродованная фигурка казалась мне маленьким арабчонком-калекой.

Кажется, стояла осень, так как зеленоватая вода бассейна была покрыта красными листьями. Разглядывая их, я заметила на дне несколько золотых рыбок. И тогда я прямо в новых ботинках и шелковом платье, которое бабушка накануне так старательно разгладила, прыгнула в бассейн.

Роца моментально огласилась дикими криками. Не успела я опомниться, как тетушки вытащили меня, подхватили на руки, начали переодевать. Они бранили меня и целовали одновременно.

Эти крики и причитания сильно напугали меня, и отныне я уже не осмеливалась лезть в бассейн, а только ложилась животом на край, обсыпанный галькой, и свешивала вниз голову.

В один из дней я опять лежала на краю бассейна и наблюдала за рыбками. Позади меня на садовой скамье сидела бабушка в своем неизменном черном чаршафе⁶. Возле нее, поджав под себя ноги, как во время намаза, примостился Хюсейн. Они тихо о чем-то говорили, поглядывая в мою сторону. Надо полагать, разговаривали они по-турецки, так как я не понимала ни слова. Интонация их голосов, их непонятные взгляды заставили меня насторожиться. Я, как зайчонок, наострила уши и уже не видела золотых рыбок, сбившихся вокруг крошек бублика, который я разжевала и бросила в бассейн. Я смотрела на отражение бабушки и Хюсейна в зеленоватой воде. Хюсейн смотрел на меня и вытирал глаза огромным платком.

Порой у детей не по годам развита необыкновенная интуиция. Я заподозрила неладное: меня хотят разлучить с Хюсейном. Почему?.. Я была слишком мала, чтобы разбираться в подобных тонкостях. Однако я чувствовала, что эта разлука является таким же неотвратимым несчастьем, как наступление тьмы, когда приходит ее час, как потоки дождя в ненастный день.

В ту ночь я неожиданно проснулась. Моя маленькая кроватка стояла рядом с бабушкиной. Ночник под красным колпаком у нашего изголовья потух. Комната была залита лунным светом, который проникал сквозь окна. Спать не хотелось. Меня душила невыносимая обида. Приподнявшись на локтях, я смотрела некоторое время на бабушку. Убедившись, что она спит, я осторожно сползла с кровати и на цыпочках выскользнула из комнаты.

Я не боялась темноты, как многие мои сверстники, не боялась ходить ночью одна. Когда деревянные ступеньки лестницы, по которым я спускалась, начинали скрипеть у меня под ногами, я останавливалась с замирающим сердцем и переживала. Моя осторожность могла сделать честь любому взрослому человеку.

⁶ Чаршаф – покрывало мусульманских женщин.

Наконец я добралась до передней. Дверь оказалась на запоре. Но меня выручило окошко рядом с дверью, ведущей в сад. Оно было распахнуто. Выскочить через него в сад для меня было минутным делом.

Хюсейн спал в сторожке садовника в конце сада. Я побежала прямо туда. Длинный подол белой ночной рубашки путался у меня в ногах. Войдя в сторожку, я забралась на кровать к Хюсейну.

У Хюсейна был очень крепкий сон. Я узнала об этом, еще когда мы жили в Арабистане⁷. Разбудить его по утрам было нелегким делом. Чтобы заставить его наконец открыть глаза, приходилось садиться верхом ему на грудь, словно на лошадь, тянуть за длинные усы, как за поводья, и при этом оглушительно кричать.

Однако в ту ночь я побоялась будить Хюсейна. Я была уверена, что, проснувшись, он не позволит мне, как прежде, лежать у себя под боком, возьмет на руки и, не обращая внимания на мои мольбы, отнесет к бабушке.

А у меня было одно желание: провести последнюю ночь перед разлукой рядом с Хюсейном.

У нас в семье до сих пор еще вспоминают о моей проделке.

Под утро бабушка проснулась и увидела мою кровать пустой. Старушка чуть не сошла с ума. Через несколько минут весь дом был поднят на ноги... Зажгли лампы, свечи, обыскали сад, берег моря, обшарили все – чердак, улицы, сарай, где хранились лодки, дно бассейна. В колодец для поливки огородов на соседнем пустыре опускали фонарь...

Наконец бабушка, вспомнив про Хюсейна, бросилась в садовую сторожку, где и нашла меня спящей на груди у солдата.

У меня хорошо сохранился в памяти день нашего расставания. Это была настоящая трагедия. Сейчас я смеюсь... Никогда в жизни я так не унижалась, так не заискивала перед взрослыми, как в тот день. Хюсейн сидел у дверей на корточках и не стесняясь плакал. Слезы текли по его длинным усам. Выкрикивая заклинания, которым я научилась от нищих-арабов в Багдаде и Сирии, я целовала полы бабушкиного и теткиных платьев, умоляла не разлучать нас.

Романисты любят так изображать людей в горе: опущенные плечи, угасший взор, неподвижность и безмолвие – словом, жалкие, немощные существа.

У меня же все было как раз наоборот. Стоит со мной приключиться беде, как глаза мои начинают сверкать, лицо становится веселым, движения резкими, я шучу и проказничаю, от хохота теряю рассудок, словно мне все нипочем на этом свете. Язык мой болтает без устали, я готова совершить любые глупости. И все это потому, как мне кажется, что для человека, неспособного поведать о своем горе первому встречному или даже кому-нибудь близкому, так жить легче.

Помню, что, расставшись с Хюсейном, я вела себя именно таким образом. Невозможно описать всех моих буйных шалостей. Я словно взбесилась. Ну и досталось же от меня моим маленьким родичам, которых взрослые приводили специально развлекать меня.

Однако я очень скоро перестала тосковать по своему Хюсейну – беспечность, достойная всяческого осуждения. Не знаю, но, может, я действительно была на него обижена. Стоило кому-нибудь упомянуть в моем присутствии его имя, как я начинала морщиться, бранить его на ломаном турецком языке, который только что начала усваивать: «Хюсейн плохой... Хюсейн нехороший...» – и плевать на пол.

Тем не менее коробка фиников, присланная мне беднягой, «плохим и нехорошим» Хюсейном, тотчас по прибытии в Бейрут, как будто несколько смягчила мой гнев. С тоской я смотрела, как коробка пустеет, и все-таки в один присест уплела все финики. К счастью, оста-

⁷ Арабистан – арабские провинции Османской империи.

лись косточки, которыми я потом забавлялась много недель. Часть их я перемешала с большими разноцветными бусами, которые обычно вешают на шею мулов от сглаза, и нанизала все это на нитку. У меня получилось замечательное ожерелье, похожее на те, какие носят людоеды.

Оставшиеся косточки я повтыкала в землю в разных местах сада и много месяцев подряд каждое утро поливала их из маленького ведерка, ожидая появления финикового леса.

Трудно приходилось моей бедной бабушке. Со мной действительно было невозможно совладать. Я просыпалась очень рано, на рассвете, шумела и бесилась до позднего вечера, пока не валилась замертво от усталости.

Как только умолкал мой голос, всех охватывало беспокойство. Это означало, что я или обрезала себе руку и втихомолку пытаюсь остановить кровь, или упала откуда-нибудь и корчусь от боли, стараясь не кричать, или же совершаю очередное преступление: отпиливаю у стульев ножки, перекрашиваю чехлы от тюфяков и т. д.

Я взбиралась на верхушки деревьев и мастерила из тряпок и щепок птичьи гнезда, лазила на крышу и бросала в трубу камень, чтобы попугать повара.

Иногда к нам в особняк приезжал доктор. Однажды я вскочила в пустой фаэтон, оставленный доктором у ворот, хлестнула лошадей кнутом и пустила их вскачь. В другой раз я приволокла на берег моря большое корыто для стирки, спустила его на воду и поплыла по волнам.

Не знаю, как в других семьях, но у нас считалось грехом поднимать руку на сироту. Если я совершала какой-нибудь очень тяжкий проступок, меня наказывали: брали за руку, отводили в комнату и запирали там.

У нас был очень странный родственник, которому дети дали прозвище «бородатый дядя». Так вот этот самый бородатый дядя называл мои руки «решеткой святых»⁸. Они всегда были у меня в синяках, порезах, ссадинах, постоянно обмотаны тряпочными бинтами, как у женщин, красящих ногти хной.

Со своими сверстниками я никогда не ладила. Меня боялись даже дети, которые были намного старше. Если же вдруг в моем сердце вспыхивала любовь, что случалось очень редко, то предмету моей страсти это сулило одни неприятности. Я не научилась любить обычной человеческой любовью и относиться с нежностью к приятному мне существу. Я бросалась на объект своей любви, как волчонок, царапала и кусала его – словом, обращалась так грубо, что человек терялся.

Среди моих маленьких родственников был только один, в присутствии которого я испытывала непонятную робость и смущение, – это сын моей тетки Бесимэ – Кямран. Впрочем, было бы не совсем правильно называть его ребенком. Во-первых, Кямран был намного старше меня, а во-вторых, это был очень послушный, очень серьезный мальчик. Он не любил играть с детьми, всегда в одиночестве бродил по берегу моря, засунув руки в карманы, или читал под деревом книжку. У него были русые вьющиеся волосы и нежное белое личико. Мне почему-то казалось, что если ухватить его зубами за ухо и взглянуть вблизи в эти мраморные щеки, то увидишь в них, как в зеркале, свое отражение.

И все-таки, несмотря на робость перед Кямраном, у меня однажды произошла неприятность даже с ним. Случилось мне раз таскать с берега моря обломки скалы в плетеной корзине. И вот камень каким-то образом вывалился из корзины и ударил Кямрана по ноге. То ли камень был очень тяжел, то ли нога моего кузена слишком хрупкой, но вопль, последовавший вслед за этим, невероятно испугал меня. С проворством мартышки я вскарабкалась на громадную чинару, которая росла в нашем саду. Ни брань, ни угрозы, ни мольбы не могли заставить меня спуститься вниз. Наконец садовнику приказали снять меня с дерева. Но по мере того, как он поднимался, я лезла все выше к самой макушке. Бедняга понял, что, если погоня будет про-

⁸ В Турции существовал обычай: на ограду усыпальницы или гробницы, где похоронен «святой», приходящие на поклонение женщины вешают шелковые нитки или тряпочные ленты, загадывая при этом желание.

должаться, я не остановлюсь, заберусь на такие тонкие ветки, которые не выдержат меня, и произойдет несчастье. Садовник спустился вниз. А я до самых сумерек просидела на ветке дерева, словно птица.

Моя бедная бабушка лишилась из-за меня покоя и сна. Ну и доставалось же несчастной старушке! Иногда по утрам ее будила моя возня, и она вставала усталая и разбитая. Бабушка хватала меня за плечи и трясла, причитая и вспоминая мою бедную маму: «Ах, дочь моя, ты покинула нас и оставила мне на голову это чудовище!.. Это в мои-то годы!..»

Но я знаю точно: предстань перед ней в этот момент моя покойная мать и спроси: «Кого ты предпочтешь: это чудовище или меня?..» – бабушка, несомненно, выбрала бы внучку, отказавшись от дочери.

Конечно, болезненной старушке было тяжело вставать каждое утро усталой, не отдохнув от вчерашнего дня... Однако не надо забывать, что еще горше просыпаться в одиночестве, хотя бы и отдохнув за ночь, скорбеть душой об ушедших, предаваясь грустным воспоминаниям.

Словом, я уверена, несмотря на все неприятности, которые я причиняла домашним, бабушка была счастлива со мной, я стала утешением для нее.

Мне было девять лет, когда мы потеряли бабушку. Отец случайно в это время находился в Стамбуле, его переводили из Триполи в Албанию. В Стамбуле он мог задержаться только на неделю.

Смерть бабушки поставила отца в очень затруднительное положение. Не мог же холостой офицер таскать за собой в бесконечных скитаниях девятилетнюю дочь. Оставить же меня на попечении теток ему почему-то не хотелось. Возможно, он боялся, что я попаду в положение нахлебницы.

И тогда отец придумал следующее...

Однажды утром он взял меня за руку, и мы вышли из дому; добрались до пристани, сели на пароход и приехали в Стамбул. У Галатского моста мы сели в фаэтон, который долго возил нас по каким-то холмам, мимо многочисленных базарчиков. Наконец мы очутились у дверей большого каменного здания. Это была так называемая «школа сестер», которая готовила мне заключение на десять лет.

Нас провели в мрачную комнату рядом с прихожей. Портьеры на окнах были опущены, наружные ставни плотно прикрыты.

Очевидно, все было заранее оговорено и согласовано. Через минуту в комнату вошла женщина в черном платье. Она наклонилась ко мне, и поля ее белого головного убора, словно крылья какой-то диковинной птицы, коснулись моих волос. Женщина заглянула мне в лицо, погладила по щеке...

Помню, день моего появления в пансионе тоже ознаменовался происшествием.

В то время как отец разговаривал с сестрой-директрисой, я бродила по комнате, все разглядывала, всюду совала свой нос. Мое внимание привлекла пестро разрисованная ваза, и мне захотелось потрогать рисунки рукой. В конце концов ваза упала на пол и разлетелась вдребезги.

Отец, звякнув саблей, вскочил со стула, поймал меня за руку. Трудно передать, как он был огорчен и сконфужен.

Что касается сестры-директрисы, хозяйки разбитой вазы, то она, напротив, весело улыбнулась и замахала руками, стараясь успокоить отца.

Ах, сколько мне предстояло разбить в пансионе еще всякого добра, кроме этой злополучной вазы! Короче, мои домашние проказы продолжались и там. Наши сестры-воспитательницы или действительно обладали ангельским терпением, или просто симпатизировали мне. Иначе я не понимаю, как они могли прощать все мои выходки.

Я без умолку болтала на уроках, разгуливала по классу... Спокойно спускаться и подниматься по лестнице, как это делали другие девочки, было не по мне. Я должна была сначала переждать, куда-нибудь спрятавшись, пока спустятся все мои подруги, после этого вскакивала на перила верхом и молниеносно слетала вниз. Наверх же я взбиралась так. Складывала ноги вместе, солдатиком, и прыгала сразу через несколько ступенек.

У нас в саду стояло старое сухое дерево. При всяком удобном случае я взбиралась на него и скакала с ветки на ветку, не обращая внимания на угрозы наставниц. Наблюдая как-то за моими гимнастическими упражнениями, одна из сестер воскликнула:

– Господи, что за ребенок?! Ведь это не человек, а чалькушу⁹.

И с того дня мое настоящее имя было словно забыто. Все называли меня только Чалькушу.

Не знаю, как это случилось, но мои домашние тоже потом начали звать меня по прозвищу. А мое подлинное имя, Феридэ, сделалось официальным и употреблялось очень редко, точно праздничный наряд.

Имя Чалькушу нравилось мне, оно даже выручало меня. Стоило кому-нибудь пожаловаться на мои проделки, я только пожимала плечами, как бы говоря: «Я тут ни при чем... Что же вы хотите от Чалькушу?..»

К нам в школу приходил аббат в очках, с маленькой козьей бородкой. Как-то раз ножницами для рукоделья я выстригла у себя клочок волос и прилепила его клеем на подбородок. Когда священник смотрел в мою сторону, я прикрывала подбородок руками, но стоило ему отвернуться, как я тотчас открывала лицо, мотала головой из стороны в сторону, подражая нашему аббату. Класс умирал со смеху. Аббат никак не мог понять причину нашего веселья, выходил из себя и даже бранился.

Я случайно повернулась к окну, выходящему в коридор, и вдруг увидела, что за мной из коридора наблюдает сестра-директриса.

Я растерялась, но, как вы думаете, что я сделала?.. Прижалась грудью к парте, приложила палец к губам, словно подавая знак молчать, затем послала ей воздушный поцелуй.

Сестра-директриса была главной в пансионе. Все, даже самые престарелые воспитательницы, боготворили ее. Несмотря на свое высокое положение, строгая дама улыбнулась, ее позабавила моя смелость. Ведь я приглашала ее стать соучастницей моей проделки. Мне показалось, будто директриса боится, что, войдя в класс, ей не удастся сохранить серьезный вид. Она только погрозила мне пальцем и скрылась в коридорном полумраке.

Однажды сестра-директриса поймала меня на месте преступления. Дело было в столовой. Я складывала объедки в корзину для бумаг, принесенную тайком из класса.

Строгим голосом директриса подозвала меня.

– Подойди сюда, Феридэ. Объясни мне, что ты делаешь.

Я не видела ничего дурного в моем занятии, взглянула прямо в глаза директрисе и спросила:

– Разве кормить собак – это плохо, та соеур?

– Каких собак?.. Зачем кормить?..

– Собак... На пустыре... Ах, та соеур, знали бы вы, как они радуются, завидев меня! Вчера вечером псы встретили меня на самом углу. Как они начали крутиться вокруг меня!.. Я им говорю: «Потерпите... Что с вами?.. Пока не придем на пустырь, ничего не дам...» Но злокини за что не хотели понимать человеческого языка. Они чуть не свалили меня на землю... Ну и я заупрячилась... Зажала корзину между ног... Они меня едва не разорвали. На мое счастье, мимо проходил продавец бубликов... Он спас меня.

Директриса слушала, пристально глядя мне в глаза.

⁹ Чалькушу – буквально: «кустарниковая птица», королек, из семейства воробьиных.

– Хорошо, но как ты вышла из пансиона?

– Перелезла через забор возле прачечной... – не задумываясь ответила я.

– Да как ты осмелилась?! – ужаснулась директриса, хватаясь руками за голову, словно слышала страшное известие.

– Не волнуйтесь, та соеуг, забор очень низенький... А потом, что же вы хотите?.. Разве я могу выйти через калитку... Неужели привратник выпустит меня?.. Правда, однажды мне удалось его обмануть... Я сказала: «Тебя зовет та соеуг Тереза». Так и убежала. Только, прошу вас, не выдавайте меня. Ведь это очень опасно, если псы будут голодными!..

Странные существа наши сестры. Соверши я подобное в какой-нибудь другой школе, меня посадили бы в карцер или еще как-нибудь наказали.

Директриса опустила передо мной на корточки, и мы оказались с ней лицом к лицу.

– Покровительствовать животным – очень похвально! Но непослушание?! Это очень плохо! Оставь мне эту корзину. Я отошлю объедки с привратником.

Мне кажется, никто в жизни не любил меня так, как эта женщина.

Подобные воспитательные методы действовали на меня тогда не больше, чем легкий ветерок на скалу. Вряд ли они могли повлиять на мой буйный, необузданный характер. Но со временем атмосфера пансиона, уклад жизни, созданный сестрами, помимо моей воли проникали в мою душу, оставляя неизгладимые следы, вызывая во мне чувство нежности и сострадания.

Да, я была действительно очень странной и сумасбродной девочкой. Я хорошо изучила слабости наших воспитательниц и изобретала всевозможные пытки, зная, кого как надо изводить.

Например, у нас была старая, крайне набожная учительница музыки – сестра Матильда. Так вот, когда она со слезами на глазах усердно молилась перед изображением Святой Девы Марии, я показывала на мух, которые кружились в воздухе, и говорила, стараясь уязвить бедную старушку:

– Ма соеуг, нашу дорогую Пресвятую Мать посетили ангелы...

Одна из наших воспитательниц, дама крайне раздражительная и капризная, слыла страшной чистюлей. Поэтому всякий раз, проходя мимо нее, я энергично встряхивала ученической ручкой, словно досадуя, что она плохо пишет, и белоснежный воротник несчастной женщины покрывался чернильными кляксами.

Другая наша молоденькая воспитательница до смерти боялась насекомых. В какой-то книге мне попался цветной рисунок скорпиона. Я аккуратно вырезала его ножницами, затем поймала в столовой большого слепня и приклеила ему на спину этот рисунок. На вечерних занятиях я под каким-то предлогом подошла к нашей воспитательнице и подбросила «скорпиона» на кафедру.

Пока я отвлекала воспитательницу разговором, слепень начал двигаться. И вдруг бедная женщина увидела при свете керосиновой лампы, как страшный скорпион, потрясая клешнями и хвостом, ползет прямо на нее. Она испустила дикий вопль, схватила линейку, лежавшую рядом, и одним махом пригвоздила слепня к кафедре. После этого прислонилась спиной к стене, закрыла лицо руками и на мгновение лишилась чувств.

В ту ночь я долго не могла заснуть, ворочаясь в постели с боку на бок.

Мне было уже двенадцать лет, и я успела усвоить кое-какие понятия стыда и совестливости. Я мучилась, вспоминая проделку с воспитательницей. На этот раз мой проступок был не из тех, которые проходят безнаказанно. Я чувствовала: утром меня непременно вызовут на допрос и что-то будет!..

Во сне я несколько раз видела сестру-директрису. Ее сердитое лицо с широко раскрытыми глазами надвигалось на меня, она что-то кричала.

На следующий день первый урок прошел без происшествий. В конце второго дверь приоткрылась, вошла одна из сестер. Она что-то шепнула учительнице, затем жестом пригласила

меня последовать за ней. Какой ужас!.. Не оглядываясь по сторонам, вобрав голову в плечи и прикусив язык, я поплелась к выходу. Девочки за моей спиной хихикали, учительница легонько стучала линейкой по кафедре, призывая класс к спокойствию.

Минуту спустя я уже стояла в кабинете сестры-директрисы. Но, удивительно, ее лицо несколько не походило на то, которое я видела во сне. Мне даже вдруг показалось, что это не я, а она напроказила, придумав шутку с оводом-скорпионом, и довела воспитательницу до обморока.

Лицо сестры-директрисы было печальное, губы дрожали. Она взяла меня за руку и чуть притянула к себе, словно собиралась обнять, затем отпустила мою руку и сказала:

– Феридэ, дитя мое. Мне надо тебе что-то сообщить... Неприятное известие. Твой папа как будто немного болен... Я говорю «немного», но, кажется, он очень болен...

Сестра-директриса комкала в руках какое-то письмо. Видно, ей трудно было договорить до конца. Вдруг воспитательница, которая привела меня из класса, закрыла лицо платком и выбежала из комнаты.

Тогда я все поняла. Мне хотелось что-то сказать, но у меня, как и у сестры-директрисы, отнялся язык. Отвернувшись, я посмотрела через открытое окно на деревья. Меж ветвей, залитых солнечным светом, стремительно проносились ласточки.

Неожиданно мной овладела какая-то непонятная резвость.

– Мне все ясно, та соеур... – сказала я. – Не огорчайтесь. Что поделаешь? Все мы умрем.

Директриса прижала мою голову к груди и долго не отпускала.

Вскоре в пансион прибыли мои тетки, хотя в этот день посещения не полагались. Они просили разрешить им забрать меня домой. Но я наотрез отказалась, сославшись на предстоящие экзамены. Однако эти экзамены не помешали мне в тот день буйствовать больше, чем обычно. Дело дошло до того, что на вечерних занятиях у меня поднялась температура. Скрестив руки на парте, я положила на них голову, как это делают лентяи, да так и заснула, даже не поужинав.

* * *

Летние каникулы я провела в Козьятагы на даче у тетки Бесимэ.

Здесь дети были для меня неподходящей компанией. Двоюродная сестра Неджмие, молчаливая, болезненная девочка, не слезала с колен матери. Она как две капли воды походила на своего старшего брата Кямрана.

К счастью, по соседству жило много переселенцев с Балкан. Их дети собирались у нас в саду каждый день. Я верховодила этими ребятами, бесилась вместе с ними до позднего вечера.

Но мои бедные товарищи пришли не ко двору и были вскоре изгнаны из особняка нашим садовником.

Однако ребята не очень обиделись на такое обхождение, они были негордые и по-прежнему приходили и похищали меня из особняка. Мы целый день бродяжничали по полям, лазили через заборы в сады, воровали фрукты.

Домой я возвращалась в сумерках. Лицо мое было сожжено солнцем. Израненными руками я старалась прикрыть дыры на платье. Завидев меня, тетка Бесимэ приходила в неистовство; она без конца ставила мне в пример Неджмие, которая только и делала, что зевала, раскрывая свой розовый ротик, потряхивая копной блестящих волос, и поэтому была похожа на глупую и ленивую кошку. Мало того, тетка постоянно твердила мне о воспитанности, вежливости, деликатности, начитанности и еще бог знает каких качествах и достоинствах братца Кямрана.

Ну ладно, Неджмие... всего-навсего теплая, мягкая, зябкая кошка, выросшая на коленях у матери. В душе я и не могла отрицать, что девушки должны быть именно такими. Но вот

Кямран. Великовозрастный Кямран!.. Ему шел двадцатый год. Над тонкими губами, похожими на серп луны, уже появились реденькие усы. Он носил шелковые чулки и замшевые туфли, в которых его крошечные, словно девичьи, ножки казались еще меньше. Когда Кямран шел, стройный стан его сгибался, точно тонкая, гибкая ветвь. Из расстегнутого ворота шелковой сорочки выглядывала длинная белая шея. Нет, это была какая-то девица, а не мужчина. Ах, как он меня раздражал! Я просто выходила из себя, когда наши родственники или соседи наперебой расхваливали его добродетели.

Сколько раз, помнится мне, пробегая мимо, я толкала его, делая вид, что споткнулась. Сколько книг я у него изорвала! Чего только я не придумывала, чтобы сцепиться с ним! Как я молила в душе: «Ну оживись хоть немного, Божий раб! Девчонка! Ну возрази, сделай что-нибудь мне наперекор! И тогда я, как кошка, кинусь на тебя, заставлю валяться в пыли... Вырву твои волосы, выцарапаю зеленые змеиные очи!..»

Вспоминая, как он корчился от боли в тот день, когда я ушибла ему ногу камнем, я дрожала, радуясь и ненавидя.

Но Кямран считал себя уже взрослым мужчиной, смотрел на меня свысока и говорил, нагло и презрительно улыбаясь:

– До каких пор будет продолжаться это ребячество, Феридэ?

«Хорошо, а до каких пор ты будешь таким слюнтяем? Когда ты перестанешь жеманиться и кокетничать, как девица на смотринах?..»

Конечно, этого я не говорила вслух. Тринадцатилетняя девочка не будет надоедать молодому человеку, если ее грубость постоянно наталкивается на холодную вежливость. Часто, боясь, как бы у меня с губ неволью не сорвались какие-нибудь грубые слова, я зажимала рот рукой и бежала в глубь сада, чтобы в укромном уголке вволю отругать Кямрана.

Однажды в дождливый день на нижнем этаже особняка собрались женщины и заспорили о модах. Тут же был и Кямран.

Внимательно прислушиваясь к разговору, я сидела в углу и, скосив глаза и высунув язык, зашивала порванный рукав блузки.

Женщины попросили Кямрана высказать свое мнение о зимних туалетах, которые они заказали.

Я не выдержала и громко расхохоталась.

– Чего смеешься? – спросил мой кузен.

– Так. Пришло кое-что в голову...

– Что именно?

– Не скажу...

– Ну не кривляйся. Впрочем, ты болтушка, все равно не вытерпишь, скажешь!

– Ну что ж, тогда не гневайся. Ты так увлекся разговором о туалетах, что я подумала: Аллах по ошибке создал тебя мужчиной. Совсем как девчонка! Да и годы тебе надо сбросить. За тринадцатилетнюю сойдешь.

– Ну а дальше что?

– Дальше вот что... Я тут зашиваю какой-то пустяк и то исколола себе все пальцы...

Значит, я – парень. И мне лет двадцать – двадцать два.

– Ну а дальше?

– Дальше? Дальше я, по воле Аллаха, по решению пророка, женилась бы на тебе. Вот и делу конец.

Стены комнаты задрожали от дружного смеха. Я подняла голову: все глаза были устремлены на меня.

– Но это и сейчас возможно, Феридэ, – зло пошутил кто-то из гостей.

Я недоуменно вытаращила глаза:

– Каким образом?

– Как каким образом?.. Выйдешь замуж за Кямрана. Он будет заведовать твоими туалетами, штопать дыры. А ты будешь заниматься делами...

Я вспыхнула и вскочила с места. Больше всего я была сердита на себя. Красноречие мое вдруг иссякло. Вот что значит неопытность в искусстве пустословия. Да еще эта предательская заплатка на рукаве совсем меня замучила.

Тем не менее я нашла в себе силы броситься в контрнаступление.

– Что ж, вполне возможно, – сказала я, – но, думаю, Кямрану-бею придется худо. Не дай Аллах, дома начнется драка... Что станет с моим кузенком?.. Кажется, все помнят, что было, когда я ушибла камнем его нежные ножки...

В комнате опять раздался взрыв смеха. Сохраняя серьезность, я направилась к себе, но на пороге обернулась и сказала:

– Прошу прощения. Девочке, которой едва исполнилось четырнадцать, говорить такие вещи не пристало. Вы уж извините.

Стуча каблуками по деревянным ступенькам лестницы, хлопая дверьми, я добежала до своей комнаты и бросилась на кровать.

Внизу продолжали хохотать. Кто знает, может, они смеялись надо мной... Но ничего, я не останусь в долгу!

Мне кажется, было бы неплохо выйти замуж за Кямрана. Время шло, мы выросли, и случай сразиться с ним все больше и больше отдалялся. Кроме замужества, пожалуй, не было другой возможности свести с Кямраном счеты, выместить на нем свою злобу.

Первые три месяца после летних каникул наш пансион напоминал вулкан, в недрах которого кипят и бурлят страсти. Разрядка наступала только к экзаменам.

Дело в том, что весной на Пасху мои подружки, исповедующие католичество, совершали свое первое причастие. В длинных белых шелковых платьях, в газовых, как у новобрачных, покрывалах они шли в церковь обручаться с пророком Иисусом.

Храм был ярко освещен огнями свечей. Звучал орган. В воздухе плыли звуки религиозных гимнов. Повсюду был разлит запах весенних цветов. Его перебивал терпкий аромат ладана и алоэ. Сколько было прелести в этом обряде обручения! И как жаль, что сразу же после Пасхи, вырвавшись на каникулы, неверные девушки тотчас изменяли своему нареченному, голубоглазому Иисусу с восковым личиком, обманывали его с первым встречным мужчиной, а иногда и не с одним.

Возвращаясь после каникул в пансион, мои подружки привозили в своих чемоданах умело спрятанные записки, фотокарточки, сувениры в виде засушенных цветочков и многое другое. Мне было известно, о чем они шептались, разгуливая в обнимку парочками по саду. Нетрудно было догадаться, что под цветными раззолоченными открытками с изображением Христа и ангелочков, которые дарили обычно самым невинным и набожным девушкам, прятались фотографии молодых людей. В укромном уголке сада можно было часто видеть шепчущихся учениц пансиона; там подружки поверяли свои сердечные тайны, чтобы никто, даже летающие вокруг букашки, не могли услышать их признаний. В эти осенние месяцы девушки ходят не иначе как в обнимку, тесно прижавшись друг к другу.

Лишь я, несчастная, вечно была одна – в саду и классе. В моем присутствии девочки вели себя очень сдержанно и осторожно. Они избегали меня больше, чем сестер. Спросите, почему? Потому что, как говорил друг нашего дома «бородатый дядя», я была болтлива. Если, например, я замечала, что какая-нибудь воспитанница обменивается с молодым человеком цветком через садовую решетку, то кричала об этом на весь сад, словно глашатай. И все это потому, что подобные истории меня ужасно раздражали.

Не забуду, как однажды зимним вечером мы готовили в классе уроки. Моя подруга Мишель, очень способная девочка, получив разрешение сестры сесть на заднюю парту, объ-

ясняла нерадивой ученице урок по римской истории. Неожиданно гробовую тишину класса нарушили частые всхлипывания. Воспитательница подняла голову и спросила:

– В чем дело, Мишель? Ты плачешь?

Мишель закрыла руками мокрое от слез лицо.

Вместо нее ответила я:

– Мишель взволнована поражением карфагенян, потому и плачет.

В классе раздался хохот.

Словом, мои подружки были правы, не принимая меня в свою компанию. Не очень-то приятно находиться в стороне, видеть, что к тебе относятся как к легкомысленной девчонке, хотя я была уже совсем взрослой. Мне шел пятнадцатый год – возраст, в котором наши матери становились невестами, а бабки бегали к колодцу заветных желаний в Эйюбе¹⁰ и в тревоге молились: «Господи, помоги! Засиживаемся дома!»

Ростом я не вышла, но тело мое уже сформировалось и было развито не по летам... У меня был удивительный цвет лица, казалось, все краски природы переливались, светились на моем лбу, щеках, губах...

Наш «бородатый дядя» при встрече брал меня за руку, тащил к окну и, уставившись своими близорукими глазами, внимательно разглядывал, приговаривая:

– Ах, девочка, ну что за лицо у тебя! Какие краски! Такие не поблекнут!

«Господи, – думала я, глядя на себя в зеркало, – разве такой должна быть девушка?! Фигура похожа на волчок, а лицо словно раскрашено кистью художника». И мне казалось, будто я рассматриваю куклу на витрине универсального магазина. Потешаясь над собой, я высовывала язык, косила глазами...

Больше всего я любила пасхальные каникулы. Когда я приезжала в Козьятагы, чтобы провести там эти две недели, черешни, растущие в большом саду сплошной стеной вдоль забора, были густо усыпаны спелыми ягодами.

Ах, как я любила черешню! В течение пятнадцати дней я, как воробей, питалась почти одной черешней и не возвращалась в пансион до тех пор, пока не уничтожила последние ягоды, оставшиеся на самых макушках деревьев.

И вот однажды под вечер я опять сидела на верхушке дерева. Уписывая за обе щеки черешню, я развлекалась тем, что щелчком выстреливала косточки на улицу за забор. И надо же было, чтобы косточка ударила по носу проходившего мимо старичка соседа. Сначала старичок ничего не понял, растерянно глянул по сторонам. Ему никак не приходило в голову поднять глаза.

Сиди я тихо и не подай голоса, возможно, он так и не заметил бы меня, решив, что какая-то птица пролетала мимо и уронила случайно косточку. Но я не выдержала и, несмотря на испуг и смущение, расхохоталась. Старичок поднял голову и увидел, что верхом на суку сидит здоровая девица и нагло хохочет. Брови его гневно зашевелились.

– Браво, ханым¹¹, bravo, дочь моя! – воскликнул он. – Не пристало, скажу тебе, такой великовозрастной девице проказничать...

В ту минуту мне хотелось провалиться сквозь землю. Представляю, какие краски выступали на моем и без того цветущем лице. Рискуя свалиться с дерева, я сложила руки на груди, прижала их к своей школьной кофте и, склонив голову, сказала:

– Простите, бей-эфенди¹², честное слово, нечаянно... Право, моя рассеянность...

¹⁰ Эйюб – район Стамбула, славился кладбищем, где находилась могила Абу-Эйюб-Ансари – сподвижника пророка Мухаммеда.

¹¹ Ханым (ханым-эфенди) – дама, госпожа, сударыня.

¹² Бей-эфенди (а также эфенди или эфендим) – господин, сударь.

Трюк с подобной невинной позой был уже много раз проверен и испытан. Я заимствовала ее у сестер и набожных учениц, когда они молились Деве Марии и Иисусу Христу. Судя по тому, что такая поза вполне устраивала и Пресвятую Мать, и ее Сына уже много веков, старичка она и подавно должна была растрогать.

Я не ошиблась, сосед попался на удочку. Лицемерное раскаяние и умелая дрожь в моем голосе ввели его в заблуждение. Он смягчился и счел необходимым сказать мне что-нибудь приятное.

– А не думаете ли вы, ханым, – улыбнулся он, – что подобная рассеянность может повредить такой взрослой симпатичной девушке?

Я прекрасно понимала, что старичок хочет пошутить со мной, однако широко раскрыла глаза и удивленно спросила:

– Это почему же, эфендим?

Заслонившись рукой от солнца, старик пристально смотрел мне в лицо, продолжая улыбаться:

– А вдруг я буду колебаться: годитесь ли вы в невесты моему сыну?

– О, тут я застрахована, бей-эфенди, – засмеялась я в ответ. – Вы бы не выбрали меня, даже если бы считали очень воспитанной девушкой...

– Почему вы так думаете?

– Что там по деревьям лазить и бросаться косточками?.. У меня есть куда более тяжкие грехи. Прежде всего, я не богата, а, как я слышала, небогатые девушки не в почете. Потом, я не обладаю красотой... И на мой взгляд, это куда более существенный недостаток, чем бедность.

Мои слова окончательно развеселили пожилого господина.

– Неужели вы некрасивы, дочь моя? – спросил он.

– Вы можете говорить что угодно, – запротестовала я, – но я-то знаю себя. Разве такой должна быть девушка? О, девушка должна быть высокой, светловолосой, голубоглазой или даже зеленоглазой...

Видимо, этот старичок был некогда шаловлив. Он как-то странно посмотрел на меня и сказал дрогнувшим голосом:

– Ах, мое бедное дитя, вы еще слишком малы, чтобы оценить себя и понимать, что такое красота. Ну да что там... А скажите-ка мне, как вас зовут?

– Чалькушу.

– Это что за имя?

– Простите, так меня прозвали в пансионе... А вообще меня зовут Феридэ. Кругленькое, неизящное имя, как я сама...

– Феридэ-ханым... Уверяю, у вас такое же красивое имя, как и вы сами. Если бы мне удалось найти такую невесту моему сыну!..

Не знаю, мне почему-то нравилось болтать с этим человеком, обладающим благородными манерами и приятным голосом.

– В таком случае нам еще представится возможность закидать молодых черешневыми косточками, – сказала я.

– Конечно, конечно... Несомненно!

– А теперь позвольте угостить вас черешней. Вы должны непременно попробовать ее, чтобы доказать, что простили меня. Одну минуту... – И я принялась прыгать с ветки на ветку, как белка.

Старичок сосед пришел в ужас; заслоняя глаза руками, он завопил:

– Господи, ветки трещат... Я еще виноват буду... Упадете, Феридэ-ханым...

Не обращая внимания на причитания старика, я отвечала:

– Не бойтесь. Я привыкла падать. Вот если бы мы действительно породнились, вы увидели бы у меня шрам на виске. Он дополняет мои прелести.

– Ах, дочь моя, вы упадете!

– Все, эфендим, все... Вот только как передать вам ягоды. Придумала, эфендим.

Вытащив из кармана передника носовой платок, я завязала в него черешни.

– Насчет платка не беспокойтесь... Он совсем чистый... Я еще не успела вытереть им нос... А теперь ловите, смотрите не уроните на землю. Раз... Два... Три...

Старичок сосед с неожиданным проворством поймал узелок.

– Большое спасибо, дочь моя! – сказал он. – Только как теперь вернуть вам платок?

– Ничего... Пусть это будет моим подарком.

– Ну зачем же?

– А почему?... Это даже очень хорошо... И знаете, в чем дело?... Через несколько дней я возвращусь в пансион. А у нас там принято, чтобы девушки на каникулах заводили романы с молодыми людьми и потом, когда начнутся занятия, рассказывали об этом друг другу. У меня еще ничего подобного не было, и подружки ни во что меня не ставят. Подтрунивать надо мной открыто они боятся, но за спиной, я знаю, посмеиваются. На этот раз я тоже кое-что придумала... Вернусь в пансион, буду ходить задумчивая, опустив голову, точно у меня заветная тайна, буду грустно улыбаться. Девушки скажут: «Чалыкушу, с тобой что-то стряслось!» А я им небрежно: «Да нет... Что со мной может случиться?..» Они, конечно, не поверят, станут допытываться. Вот тогда я и скажу: «Ну ладно... Только поклянитесь, что никому не расскажете». И сочиню какую-нибудь небылицу.

– Ну например...

– Знакомство с вами поможет мне... Я скажу подружкам так: «Мы флиртовали с высоким светловолосым мужчиной, переглядывались с ним через решетку забора». Разумеется, я не скажу, что у вас седые волосы. Впрочем, в детстве, наверно, вы были блондином... О, я хорошо знаю своих подружек. Они спросят: «О чем же вы разговаривали?» Я отвечу, подтвердив слова клятвой: «Он сказал, что считает меня красивой». Что я подарила вам в платке черешню, рассказывать не стоит. Скажу лучше – розу... Впрочем, нет. Розы в платках не преподносятся. Скажу просто, что подарила вам на память свой платок, вот и все...

Пять минут назад мы чуть было не поссорились со старичком соседом, а сейчас весело смеялись и на прощанье помахали даже друг другу рукой.

Тем же летом моя страсть лазать по деревьям привела еще к одной истории.

Сияла лунная августовская ночь. В особняке было полным-полно гостей, среди которых выделялась молодая вдова по имени Нериман, изредка оказывавшая нам честь своим посещением. Ее визиты всегда являлись большим событием для нашего дома. Все восхищались этой женщиной, начиная от моих тетюшек, которым никто на свете не нравился, кроме них самих, и кончая глуповатыми горничными.

Муж Нериман (говорили, что она его очень любила) умер год назад. Поэтому вдова была всегда в черном. Но мне почему-то казалось, что, если бы черный цвет не шел так к ее белокурой головке, траур давно бы кончился и все эти черные одеяния были бы выброшены на свалку.

Нериман заигрывала и со мной, точно с собакой или кошкой. Но у меня как-то не лежала к ней душа, и отношения между нами были очень натянутые. Все ее знаки внимания принимала весьма холодно.

Хотя отношение к ней не изменилось и по сей день, однако я вынуждена признать, что Нериман была дьявольски красива. Больше всего меня бесило в ней чрезмерное кокетство. Только в обществе женщин она немного успокаивалась. Но стоило появиться какому-нибудь мужчине, как лицо ее, голос, смех, взгляд – в общем, все менялось. Словом, моим школьным подругам, привыкшим действовать исподтишка, было далеко до этой особы.

Боже, какую безутешную вдову начинала разыгрывать Нериман, когда разговор заходил об ее муже, как лицемерно причитала она: «Ах, для меня жизнь уже кончилась!..» Все во мне

переворачивалось от злости, когда она ломала эту комедию, и я говорила себе: «Погоди, вот приглянется тебе кто-нибудь, посмотрим, как ты будешь себя вести...»

В доме у нас не было сверстников Нериман. Неженка Неджмие не могла идти в счет. Тетушки были в летах, головы их давно поседел, они только сплетничали о знакомых, других тем для разговоров не было.

В таком случае, в таком случае!..

Кажется, я начала догадываться, почему этой Нериман вдруг полюбился наш особняк. Очевидно, она наметила своей жертвой моего глуповатого кузена. Чтобы выйти замуж?.. Не думаю. Смеет ли вдова, которой уже под тридцать, мечтать о замужестве с двадцатилетним юнцом? Какой позор! Впрочем, если бы она даже и решилась на подобный поступок, неужто мои хитрые тетушки допустили б, чтобы ребенок попал в когти этого коршуна в юбке?

В таком случае, в таком случае!..

Да что там – в таком случае. Счастливая вдовушка решила развлечься с моим кузенком, пока судьба не улыбнется ей и не пошлет солидного жениха, который будет исполнять все ее прихоти.

Я назвала Кямрана глуповатым, но это от злости. В действительности же это был коварный желтый скорпион, да еще из той породы, которые незаметно подкрадываются и больно жалят. Разговаривая с Нериман, он всегда словно что-то недосказывал, и это не могло ускользнуть от моего внимания.

Играла ли я с детьми, прыгала ли через веревочку, гадала ли на картах, лежа на полу, я всегда следила за ними.

Мой кузен уже был накануне того, чтобы очутиться у нее в когтях. Когда порой я делала вид, будто ничего не замечаю, и проходила мимо, они замолкали или же меняли тему разговора.

«Пусть делают что хотят, тебе-то что?» – скажете вы. Что мне?.. Допустим, Кямран мой враг, но все-таки он – мой кузен... Могла ли я безразлично относиться к тому, как какая-то неизвестно откуда появившаяся особа хочет совратить его?

О чем я рассказывала?.. Да, итак, была лунная августовская ночь. Гости сидели на веранде, залитой светом большой керосиновой лампы, – кстати, совсем ненужным, – и весело болтали.

Звонкий, музыкальный смех Нериман раздражал меня, и поэтому я ушла вглубь сада под тень деревьев.

В самом конце сада, у забора, отделяющего нас от соседей, стояла старая развесистая чинара. Дерево давно уже перестало давать плоды, но я любила его за величественный вид, часто взбиралась на него, лазила по могучим веткам, где можно было сидеть, как на диване, или даже ходить без опаски.

В этот вечер я вскарабкалась довольно высоко и примостилась на ветке. Вдруг до меня донесся легкий звук шагов, а затем приглушенный смех. Я напрягла зрение... И как вы думаете, что я увидела?.. Прямо к старой чинаре шел мой кузен, а впереди него шагала счастливая вдовушка.

Я сразу насторожилась, точно рыбак, заметивший, что к крючку приближается рыба. Как я боялась, что ветка, на которой я сижу, затрещит! Напрасный страх!.. Молодые люди были так заняты самими собой, что, казалось, застучи я на вершине дерева в барабан, они, наверно, не обратили бы внимания.

Нериман шла впереди. Кямран, как невольник-араб, следовал за ней шагах в четырех. Перелезть через забор, чтобы продолжать путь, они не могли, поэтому остановились под чинарой, на которой я сидела.

Идите, мои милые, идите, дорогие!.. Вас ко мне послал Аллах. Мы с вами скоро увидимся. Я сделаю все для того, чтобы эта прекрасная лунная ночь запомнилась вам навеки!

Вдруг совсем рядом застрекотал кузнечик, заглушая слова, которые говорил мой кузен счастливой вдовушке. Я чуть с ума не сошла от досады. Мне хотелось крикнуть: «Негодяй, чего боишься?.. Здесь никого нет! Говори громче!..»

Мне удалось услышать только несколько слов Кямрана: «Нериман... Милая... Ангел мой...» Меня охватила дрожь. Ах как я боялась выдать себя, как я боялась, что они услышат шорох листьев!..

Изредка до меня доносились и слова Нериман-ханым: «Прошу вас, Кямран-бей...»

Наконец голоса смолкли. Нериман осторожно подошла к забору, встала на цыпочки, заглянула в соседский сад, словно хотела убедиться, что за ними никто не наблюдает, затем обернулась к Кямрану, который, кажется, не знал, как ему вести себя дальше.

Вдруг вижу: мой кузен раскинул руки и шагнул к Нериман. Сердце мое забилось еще сильнее... «Наконец-то Кямран образумился! – подумала я. – Сейчас он залепит пощечину этой скверной женщине». Ах, сделай он это, я, наверно, заплакала бы, спрыгнула с дерева и помирилась с ним навеки. Но это чудовище и не думало бить Нериман. С неожиданной для его тощих белых девичьих рук силой он схватил молодую женщину за плечи, затем за кисти рук. Короткая борьба, объятие... В лунном свете, который пробивался сквозь густую листву чинары, мне было видно, как смешались их волосы.

Господи, какой ужас!.. Какой кошмар!.. Минуту назад я собиралась сыграть с ними злую шутку, а сейчас меня всю трясло, я обливалась холодным потом, боясь, что они меня заметят... Как бы я хотела стать в этот момент птицей, взлететь в небо, раствориться в лучах луны и не видеть больше людей этого мира!

Хотя я зажимала рот руками, из горла у меня вырвался какой-то звук. Очевидно, это был вопль. Однако он тут же превратился в хохот, стоило мне увидеть, какое действие произвел мой крик на молодых людей. Ах, видели бы вы испуг и растерянность этих бессовестных!..

Несколько минут назад счастливая вдовушка шла сюда, едва касаясь ногами земли, скользя, словно прозрачный лунный луч, а сейчас она мчалась от чинары сломя голову, не разбирая дороги, натыкаясь на стволы деревьев.

Мой кузен последовал было ее примеру, но, пробежав несколько шагов, вдруг остановился и конфузливо поплелся назад.

Я продолжала хохотать, так как просто не знала, что мне еще делать. Кямран, подобно коварному персонажу из знаменитой басни «Ворона и лиса», принялся обхаживать дерево.

Наконец, поборов смущение и отбросив стыдливость, он обратился ко мне:

– Феридэ, дорогая, спустись-ка пониже...

Я перестала смеяться и серьезно спросила:

– С какой стати?

– Так... Хочу с тобой поговорить.

– Нам не о чем с вами разговаривать. Не мешайте мне...

– Феридэ, брось шутить!

– Шутить?! Какие могут быть шутки?..

– Ну, это уже слишком! Если ты не хочешь спуститься вниз, тогда я могу подняться к тебе.

Уж не ослышалась ли я? Если на дороге попадалась крохотная лужа, мой кузен хватался за голову; а прежде чем решиться перепрыгнуть через эту лужу, он раз десять примерялся, переводя взгляд с ботинок на воду. Перед тем как сесть, он пальчиками подтягивал вверх штанины. Как же тут было не развеселиться, услышав, что мой нежный, избалованный кузен собирается лезть на дерево?!

Но в этот вечер Кямран действительно озверел. Ухватившись руками за нижний сук, он вскарабкался на него и собрался лезть еще выше.

На миг я представила, как вот сейчас, ночью, встречу с ним лицом к лицу на этом дереве, и чуть не сошла с ума. Это было бы ужасно! Увидеть вблизи его зеленые глаза... Да я вцепилась бы в него, и мы превратились бы в хищных птиц, бьющихся между ветвей не на жизнь, а на смерть. Выцарапав ему глаза, я непременно швырнула бы его на землю или бросилась бы сама. Но в следующую минуту я подумала, что так поступать не следует. Перегнувшись с ветки, я приказала:

– Стойте!.. Ни с места!..

Кямран не обратил внимания на мои слова, даже не удостоил меня ответом. Встав ногами на ветку, он высматривал наверху следующее удобное местечко.

– Стойте! – решительно повторила я. – Не то будет хуже!.. Вы ведь знаете, что я Чалыкушу... Деревья – это мое царство, и я не переношу, когда кто-нибудь вторгается в него.

– Какой странный разговор, Феридэ...

Действительно, разговор был очень странным.

Мне пришлось невольно взять шуточный тон. Приготовившись лезть еще выше, если Кямран не остановится, я сказала:

– Вам известно, что я вас просто обожаю! Поэтому будет очень неприятно, если мне вас придется спустить с дерева. Весьма печально, когда молодой человек, читавший пять минут назад любовные стишки, начинает вдруг кричать не своим голосом: «Помогите, помогите!..»

Слово «помогите» я произнесла, громко смеясь и подражая голосу Кямрана.

– Сейчас мы встретимся! – воскликнул Кямран, не обращая внимания на мои угрозы и продолжая карабкаться вверх по веткам. Страх сделал его смелым и проворным.

Казалось, мы играли на дереве в горелки. Кямран приближался, а я лезла все выше и выше, ветви становились все тоньше и тоньше... Внезапно я подумала, что можно спрыгнуть на забор и убежать. Но тогда я рисковала сломать себе руку или ногу. Тогда не мой кузен, а я сама плакала бы и стонала.

Однако ни за что на свете мне не хотелось встречаться с Кямраном на дереве. Пришлось пойти на хитрость.

– А нельзя ли узнать, – спросила я, – почему это вам так хочется поговорить со мной?

Маневр удался. Кямран сразу же остановился и серьезно сказал:

– Мы с тобой шутим, Феридэ, а вопрос очень серьезный. Я боюсь тебя.

– Вот как? Чего же тебе бояться?..

– Боюсь, будешь болтать.

– Разве это не то, что я делаю каждый день?

– Боюсь, что на этот раз твоя болтовня будет не совсем обычной...

– А что необычного произошло сегодня вечером?

Кямран устал, выбился из сил. Не заботясь уже больше о наглаженных брюках, он сел на ветку. Вид у него был подавленный, унылый, но он все еще пытался шутить.

Мне не было жалко Кямрана, просто я не могла его больше видеть и хотела как можно скорее остаться одна.

– Успокойся. Поверь мне, бояться нечего. Ступай сейчас же к гостям. Неудобно.

– Ты даешь слово, Феридэ?.. Даешь клятву?

– Да, и слово, и клятву... Что хочешь.

– Могу ли я верить?

– Мне кажется, надо поверить. Я уже не ребенок.

– Феридэ...

– Да и откуда мне знать, чего ты боишься? Что я могу разболтать? Я сижу одна на дереве...

– Не знаю, но я почему-то не верю...

– Говорят тебе! Я уже выросла и стала совсем взрослой. Значит, надо верить. Ступайте, мой дорогой кузен, не волнуйтесь, есть вещи, которые видит ребенок, но молоденькая девушка ничего не заметит. Идите и успокойтесь.

Испуг Кямрана, кажется, сменился удивлением, он непременно хотел меня увидеть и упрямо тянул голову вверх.

– Ты как-то совсем по-новому говоришь, Феридэ... – сказал он.

Боясь, что мы так и не кончим разговора, я закричала, притворно гневаясь:

– Ну довольно... Будешь тянуть – возьму слово назад. Решай сам.

Угроза подействовала на Кямрана. Медленно и неуверенно ища ветки ногами, он спустился с дерева и, стесняясь идти в ту сторону, куда убежала Нериман, зашагал вниз по саду.

* * *

После этого происшествия счастливая вдовушка перестала появляться у нас в доме. Что касается Кямрана, то, я чувствовала, он побаивается меня. Всякий раз, возвращаясь из Стамбула, он привозил мне подарки: то разрисованный японский зонтик, то шелковый платок или шелковые чулки, то туалетное зеркало сердечком или изящную сумочку... Все эти безделушки больше предназначались взрослой девушке, чем проказливой девчонке.

В чем же был смысл этих подношений? Не иначе, он хотел задобрить Чалькушу, зажать ей рот, чтобы она никому ничего не разболтала!

Я была уже в том возрасте, когда мысль, что тебя помнят, не забывают, доставляет удовольствие. Да и красивые вещи мне очень нравились. Но мне почему-то не хотелось, чтобы Кямран или кто-нибудь другой знал, что я придаю значение этим подаркам. Если в пыль падал мой зонтик, разукрашенный бамбуковыми домиками и косоглазыми японками, я не спешила его поднимать, и тогда одна из моих тетушек выговаривала мне:

– Ах, Феридэ, вот как ты ценишь подарки, которые тебе делают!

Среди подношений Кямрана была сумочка из мягкой блестящей кожи. Невозможно передать, какое наслаждение мне доставляло гладить ее рукой, но однажды я сделала вид, будто хочу набить ее сочными ягодами. Ну и крик подняли мои тетушки!..

Была бы я похитрее, то, наверно, еще долго пользовалась бы испугом Кямрана и выманивала у него всякие безделушки.

Я очень любила подаренные им вещички, но иногда мне хотелось разорвать их, растерзать, швырнуть под ноги и топтать, топтать в иступлении. Мое отвращение, моя неприязнь к кузену не ослабевали.

Если в прежние годы приближающийся отъезд в пансион вызывал во мне грусть, то на этот раз я, наоборот, с нетерпением ждала момента, когда расстанусь со своими родственниками.

В первый же воскресный день после возобновления занятий нас повезли на прогулку к Кяатхане¹³. Сестры не любили долгие прогулки по улицам, но в этот вечер мы почему-то задержались до темноты.

Я плелась в самом хвосте. Вдруг смотрю, вокруг никого нет. Не понимаю, как я умудрилась так отстать и меня никто не хватился. Сестры, наверно, думали, что я, как обычно, иду впереди всех. Неожиданно возле меня вырос чей-то силуэт. Присмотрелась: это Мишель.

– Чалькушу! Ты?! – удивилась она. – Почему так плетешься? Почему одна?

Я показала на свою правую ногу, перевязанную у щиколотки платком.

– Разве ты не знаешь? Когда мы играли, я упала и разбила ногу.

¹³ Кяатхане – речка и название района в окрестностях Стамбула.

Мишель была славная девушка. Ей стало жаль меня, и она предложила:

– Хочешь, помогу тебе?

– Уж не собираешься ли ты предоставить в мое распоряжение свою спину?

– Конечно нет. Это невозможно... Но я могу взять тебя под руку. Что ты скажешь? Нет, нет, по-другому... Положи мне свою руку на плечо. Держись крепче, я обниму тебя за талию. Так тебе будет легче. Ну как? Меньше болит?

Я послушалась Мишель, – действительно, идти стало легче.

– Спасибо, Мишель, – улыбнулась я. – Ты замечательный товарищ!

Немного погодя Мишель сказала:

– А знаешь, Феридэ, что подумают наши девочки, увидев, как мы идем?

– Что?

– Они скажут: «Феридэ тоже влюбилась и делится с Мишель своими секретами».

Я остановилась.

– Ты это серьезно говоришь?

– Ну да...

– В таком случае отпусти меня. Немедленно!

Я сказала это повелительным тоном командира, отдающего приказ.

– Ах большая глупышка! – засмеялась Мишель, не отпуская моей талии. – Неужели ты не понимаешь шуток?

– Глупышка? Это почему же?

– Неужто девочки не знают тебя?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да ведь все знают, что у тебя не может быть романов. Виданное ли дело – любовная интрижка у Чалькушу!

– Это почему же? Вы считаете меня некрасивой?

– Нет. Почему некрасивой? Ты очень даже хорошенькая. Но ты ведь... глуповатая... и неисправимо наивна.

– Ты действительно так думаешь обо мне?

– Не я одна, все так думают. Девочки говорят: «В любовных делах Чалькушу настоящая gourde...»

В турецком языке я не блистала. Но французское слово «gourde» мне было знакомо: «фляга», «кувшин», «баклажка» – словом, во всех значениях вещь малопоэтическая. К тому же нельзя сказать, чтобы моя плотная, приземистая фигура чем-то не напоминала один из подобных сосудов. Какой ужас, если вдобавок к Чалькушу мне прилепят еще и прозвище «gourde»! Надо во что бы то ни стало спасти свою честь.

И тут я положила голову на плечо Мишель – манера, заимствованная от моих подруг, – потом, бросив на нее многозначительный взгляд, печально улыбнулась.

– Ну что ж, можете так думать...

Мишель остановилась и изумленно глянула на меня.

– Это говоришь ты, Феридэ?!

– Да, к сожалению, это так, – кивнула я и глубоко вздохнула, чтобы моя ложь выглядела более правдоподобной.

Теперь Мишель от удивления даже перекрестилась.

– Это прекрасно, чудесно, Феридэ! Но только очень жаль, я никак не могу тебе поверить!

Бедняжка Мишель была такой страстной почитательницей любовных историй, что ей доставляло удовольствие быть даже просто свидетелем сердечных переживаний других. Но, увы, я так мало еще сказала, что она не решилась мне поверить и открыто выразить свою радость.

Впрочем, я, кажется, зашла в своих признаниях слишком далеко. Отступить было бы просто нечестно.

– Да, Мишель, – подтвердила я, – я тоже люблю!..

– Всего-навсего только любишь, Чалькушу?

– Ну разумеется, не без взаимности, *grande gourde*.

Итак, я возвратила Мишель прозвище «*gourde*», которым она меня только что наградила, да еще в превосходной степени, и ей не пришло в голову возразить: «Это ты „*gourde*“. Это твое прозвище».

Стоит начать лгать, как сразу же удается еще больше расположить к себе человека. Вот чудо! Теперь Мишель поддерживала меня за талию еще нежнее.

– Расскажи, Феридэ... Расскажи, как это было. Выходит, и ты тоже... Правда, любить – это чудесно, не так ли?

– Конечно, чудесно...

– А кто он? Он очень красив, этот юноша, которого ты любишь?

– Очень красив...

– Где ты с ним встретила? Как вы познакомились?

Я не отвечала.

– Ну... не скрывай...

Я прямо из кожи лезла, чтобы не скрывать. «Ах, что придумать? Что сказать?» Но мне ничего не приходило в голову. Нужен возлюбленный, который существует на самом деле, чтобы поразить всех моих подруг. А ведь так трудно, так невероятно трудно найти... хотя бы даже просто в воображении!

– Ну, Феридэ, не тяни. А то я всем скажу, что ты пошутила со мной.

Мне сразу стало не по себе. Пошутила? Не дай господи! Тогда прозовут не только «фляжкой» или «кувшином»! Я тут же решила: «Надо срочно сочинить любовную историю, от которой бы у Мишель дух захватило».

Как вы думаете, кого я представила Мишель в качестве своего возлюбленного?... Кямрана!

– У нас роман с кузеном... – сказала я.

– Это тот светловолосый юноша, которого я видела год тому назад у нас в прихожей?

– Ну да...

– Ах, он такой красивый!

Я вам уже сказала, что Мишель была помешана на любовных историях. За все время Кямран навел меня в пансионе раза два-три. Очевидно, Мишель почуяла присутствие в пансионе молодого человека, как кошка мясо, и тайком подсматривала за нами, когда мы болтали в прихожей. Как странно, не правда ли?

На небе зажглись звезды. Стояла осень, но было тепло; казалось, что в воздухе пахнет нескошенной травой.

Я всем телом навалилась на Мишель, моя щека была крепко прижата к ее щеке. Я принялась рассказывать ей историю своей несуществующей любви:

– Была ночь, еще более прекрасная, чем эта. Мы покинули нашу шумную компанию, которая осталась у дома. Я шла впереди, мой кузен сзади... Он говорил мне красивые слова. Сейчас я не в состоянии повторять их, просто не хочу... Оглушительно трещали кузнечики. Мы шли и шли... Аллеи, по которым мы проходили, были залиты лунным светом. Потом мы оказались в тени деревьев, затем снова под светом луны, чтобы через минуту опять погрузиться в темноту...

– Господи, какой у вас большой сад, Феридэ! – вставила нетерпеливая Мишель.

Я испугалась: «Может, у меня получается неестественно?»

– Не такой уж он большой. Просто мы не торопились, – продолжала я. – Наконец мы очутились... в конце сада у забора, отделяющего нас от соседей, где растет огромная чинара. Дойдя до нее, мы остановились. Я привстала на цыпочки и сделала вид, будто смотрю через забор. Мой кузен нерешительно потирал руки, словно хотел что-то сделать и не мог осмелиться...

– Но ведь ты смотрела в соседский сад! Как ты могла все это заметить?

– На забор падала тень кузена, мне было все видно.

Очевидно, я неплохо вошла в роль: тело мое вздрагивало, голос прерывался, на глаза набегали слезы.

– Ну а дальше, Феридэ, дальше...

– Потом вдруг кузен схватил меня за руки...

– Ах как чудесно! Дальше...

– Дальше? Откуда я знаю...

– Боже, ты остановилась на самом интересном месте!

– Потом вдруг на дереве закричала какая-то птица, гадкая, отвратительная птица... Мы испугались и убежали.

Я не смогла сдержаться слез, припала к груди Мишель и разрыдалась.

Неизвестно, сколько бы я так плакала, но, к счастью, наше исчезновение было замечено. Послышались крики девочек, нас разыскивали.

Мишель откликнулась:

– Идем!.. Мы не можем быстро!.. У Чалыкушу болит нога?..

– Ты правильно сказала, Мишель... И я плачу именно поэтому. Теперь мы можем пойти быстрее.

В ту ночь я редела и в постели, когда все уже спали. Только теперь слезы уже не нужны были для роли, просто я сердилась на себя. Допустим, мне надо было солгать, чтобы доказать подружкам, что я не *gourde*. Но неужели на свете нет других имен? Почему я заговорила о своем кузене, о Кямране, которого я ненавидела больше всего в жизни? Я поклялась, что завтра утром, как только проснусь, возьму Мишель за руку, отведу ее в сторонку и скажу, что мой любовный рассказ – выдумка.

Но, увы, проснувшись на другое утро, я почувствовала, что от моего стыда и гнева не осталось и следа.

Так я и не осмелилась сказать правду Мишель, которая теперь смотрела на меня совсем другими глазами и относилась как к больному ребенку.

Постепенно эта легенда стала известна всем. Правда, Мишель, видимо, строго наказывала хранить тайну, так как в глаза мне никто ничего не говорил. Но по взглядам девочек, по их смеху я понимала, что они хотят сказать. Это наполняло меня удивительной гордостью. Мне пришлось даже отказаться от болтовни и проказ. Теперь в глазах подружек я стала молодой девушкой, влюбленной в кузена. В этой роли мне никак не подходило прыгать, точно кукла на веревочке, проказничать и беситься...

Но, как говорится, от самой себя не убежишь. Когда по вечерам на последней перемене я брала Мишель под руку и продолжала шепотом выдумывать все новые и новые небылицы, я иногда снова становилась похожей на бесенка.

Однажды мы опять возвращались с прогулки.

Мишель в тот день почему-то не ходила с нами. Она встретила меня у ворот, схватила за руку и стремительно потащила в глубь сада.

– У меня для тебя новость, – сказала она. – Она тебя обрадует и огорчит.

Лицо мое выразило недоумение.

– Сегодня в пансион приходил твой блондин-кузен.

Я была поражена.

– Разумеется, он хотел повидаться с тобой. Ах, если б и ты осталась!..

Я не могла поверить. Разве Кямран пришел бы в пансион, не будь на то какой-нибудь важной причины? Наверное, Мишель ошиблась.

Однако я не высказала Мишель этих сомнений и, сделав вид, будто верю, сказала:

– Что же, вполне естественно. Молодой человек пришел повидать девушку, за которой ухаживает.

– Как, наверное, досадно, что тебя не было, да?

– Разумеется.

Мишель погладила меня по щеке.

– Но ведь он опять придет, раз любит...

– Несомненно.

В тот же вечер сестра Матильда вызвала меня и передала две разрисованные коробки конфет, перевязанные серебряной тесьмой.

– Это принес твой кузен, – сказала она.

Я не любила сестру Матильду, но в эту минуту с трудом удержала себя, чтобы не броситься ей на шею и не расцеловать в обе щеки.

Значит, Мишель не ошиблась: Кямран действительно приходил в пансион. Если среди воспитанниц еще и оставались такие, которые сомневались в достоверности моей сказки, то теперь, увидев эти две коробки, они должны были подумать иначе. Как чудесно!..

В одной коробке были разноцветные конфеты с ликером, в другой – шоколад в позолоченных бумажках. Случись это полгода назад, я утаила бы сладости даже от самых близких подружек. Но в этот вечер, когда мы готовили в классе уроки, мои коробки ходили по рукам. Каждая девочка брала одну, две или три конфетки, кому сколько совесть позволяла.

Некоторые девочки издали делали мне многозначительные знаки. Я же, изображая смущение, отворачивалась в сторону, улыбалась. Как чудесно!..

Возвращая мне назад коробки, в которых, к сожалению, уже виднелось позолоченное дно, Мишель зашептала:

– Феридэ, представь, будто эти конфеты преподнесли тебе по случаю обручения.

Моя сказка обошлась мне слишком дорого. Но что поделать?

Прошло три дня.

Шел урок географии. Я трудилась над цветной картой для экзаменов. Рисовать красками мне всегда было трудно; от неловкости я без конца путала краски, пачкала себе руки и губы.

И вот, когда я была занята этой мазней, вошла дочь привратника и сказала, что в прихожей сидит мой кузен, который хочет меня видеть. Помню, я растерянно огляделась по сторонам, обернулась к воспитательнице, не зная, как поступить.

– Ну что ты ждешь, Феридэ, – сказала она. – Оставь карту на месте. Иди повидайся с гостем.

Оставить карту – нетрудно. Но с каким лицом я выйду к Кямрану?

Девочка, рядом с которой я сидела, смеясь протянула мне маленькое зеркальце. На лицо, особенно на рот, страшно было смотреть. На уроках, где приходилось писать, я вечно совала ручку в рот, теперь же, во время рисования, мусолила кисть, поэтому губы мои пестрели желтыми, красными и даже фиолетовыми пятнами. Что предпринять? Оттереть платком, а тем более смыть водой с мылом – сейчас невозможно, только еще больше размажешь краски.

Дело было, конечно, не в Кямране. Ему я могла показаться в любом виде. Но перед подружками, которые, узнав, кто пришел, уже ехидно посмеивались, я должна была изображать влюбленную девицу или даже невесту. Ах, будь она неладна, вся эта комедия!

Проходя по коридору, я взглянула в зеркало. Боже мой, что делать? Будь я одна в эту минуту, здесь, перед дверью в прихожую, я никогда бы не осмелилась туда войти. Но, увы, вокруг были посторонние, которые могли иначе истолковать мои действия.

Итак, делать нечего. Я с силой толкнула дверь и бурей влетела в прихожую. Кямран стоял у окна. Подойти к нему сразу?.. Но тогда надо что-то сделать – например, обменяться рукопожатием. А ведь так можно испачкать чистенькие и нежные ручки кузена.

Я опять увидела на столе два пакета, перевязанные серебряной тесьмой. Нетрудно было догадаться, что они предназначались мне. У меня не оставалось иного выхода, как превратить все в очередной фарс и раскрашенные руки и губы объяснить обычным моим детским сумасбродством. Приподняв подол черного передника, я сделала перед коробками самый изысканный, глубокий реверанс. Потом, предусмотрительно вытерев пальцы о подол, я послала коробкам несколько воздушных поцелуев и утерла при этом лишний раз свои размалеванные губы.

Кямран улыбаясь подошел ко мне. Я принялась его благодарить:

– Какая трогательная забота, Кямран-бей-эфенди... Хотя шоколад и конфеты с ликером являются в какой-то степени платой за мое молчание, однако меня уже мучают угрызения совести... В чем дело?.. Всего несколько дней назад вы приносили мне сладости. Очевидно, и в этих коробках я найду то же самое. Поистине, невозможно описать их прелесть! По мере того как они тают во рту человека, тает и его сердце...

– На этот раз, – сказал Кямран, – вы увидите нечто более ценное, Феридэ.

С наигранным волнением и нетерпением я развязала пакет, который мне протянул Кямран. Там оказались две книги в позолоченных переплетах, наподобие детских сказок с картинками, какие дарят маленьким детям на Рождество. Очевидно, кузен по какой-то непонятной для меня причине решил подшутить надо мной. Если он только ради этого решил сюда прийти, право, это уже нехорошо.

Я не выдержала и дала ему нагоняй. Я говорила суровым тоном, который никак не вязался с моими размалеванными губами:

– За каждый из ваших подарков следует благодарить. Но позвольте сделать небольшое замечание. Несколько лет тому назад вы были ребенком. Правда, всем своим важным и серьезным видом вы походили на взрослого, однако все-таки оставались ребенком. Не так ли? Слава Аллаху, вы мужаете с каждым годом, превращаясь в молодого человека, похожего на героя из романов с картинками. Но почему вы думаете, что я все это время должна топтаться на месте?

Кямран сделал большие глаза:

– Простите, Феридэ, я вас не понял.

– Тут нет ничего непонятного. Выходит, вы растете, а я по-прежнему остаюсь младенцем, читающим сказки из «Золотой библиотеки», ребенком, которого никак не признают достойным обращения как с пятнадцатилетней девушкой?

Кямран все так же недоуменно смотрел на меня:

– Я опять ничего не понял, Феридэ!

Я сделала жест, выражающий удивление такой непонятливостью, скривила губы, но, откровенно говоря, сама уже не понимала, что я хотела сказать. Я раскаивалась в своих словах и искала, как бы избежать дальнейшего объяснения.

Нервным движением я разорвала тесьму на второй коробке. В ней были конфеты с ликером.

Кямран поклонился почти официально:

– Я счастлив услышать лично от вас, Феридэ, что с вами уже следует обращаться как со взрослой девушкой. Не вижу необходимости извиняться за книги, конфеты вам доказывают, что книги всего-навсего шутка. Уж если б я действительно хотел подарить вам книгу, то постарался бы принести один из тех романов, о которых вы только что упомянули.

Безусловно, Кямран шутил. Но если это даже и так, мне все равно было очень приятно, что он говорит со мной таким тоном, в таких выражениях.

Чтобы избавить себя от необходимости отвечать, я сложила руки, как на молитве, и изобразила крайнее восхищение. Когда Кямран кончил говорить, я глянула ему в лицо, тряхнула головой, чтобы убрать упавшие на глаза волосы, и сказала:

– Я не слушала, о чем вы говорили. Конфеты настолько восхитительны, что... увидев их, я сейчас же все вам простила. Вот и все!.. Я очень благодарна вам, Кямран.

Кажется, мое признание в том, что я не слушала его, огорчило Кямрана, однако он решил почему-то не показывать этого и, вздохнув, с притворной мрачностью ответил:

– Ну что ж! Раз детские подарки уже не годятся, будем дарить вам серьезные вещи, как взрослым людям.

Я сделала вид, будто всецело поглощена сладостями, восторженно смотрела на коробку, словно то была шкатулка с драгоценностями, доставала оттуда конфеты, раскладывала их и болтала без умолку.

– Уничтожать конфеты – это тоже искусство, Кямран, – говорила я. – И честь открытия этого искусства принадлежит вашей покорной слуге. Смотри... Ты, например, не видишь никакой разницы в том, если съешь вот эту желтенькую после красной. Не так ли? Но тогда все будет испорчено! Красненькая чересчур сладкая, да и мятная к тому же. Если ты съешь ее раньше, то не почувствуешь тонкого вкуса и божественного аромата желтой. Ах, мои дорогие конфетки!..

Взяв одну, я поднесла ее к губам и принялась ласково разговаривать с ней, словно это был крошечный птенчик.

Мой кузен протянул руку:

– Дай мне ее, Феридэ.

Я недоуменно посмотрела на Кямрана:

– Что это значит?

– Я съем...

– Кажется, я напрасно открыла коробку при тебе. Что же это будет, если ты начнешь сам есть то, что принес мне?

– Дай мне только одну, вот эту.

Действительно, что это могло означать? Человек не брезгает конфетой, которая была почти у меня во рту!

Кажется, я растерялась... Неожиданно мой кузен протянул руку, пытаюсь выхватить конфету. Но я оказалась проворней, спрятала руку и показала язык.

– Прежде я что-то не замечала у вас такого проворства, – пошутила я. – Где вы этому научились? Смотрите, сейчас я вам продемонстрирую, как надо лакомиться такими чудесными конфетами, тогда и отнимайте!

Запрокинув голову, я высунула язык и положила на него конфету. Конфета во рту таяла, а я покачивала головой и жестами (язык-то у меня был занят) рассказывала Кямрану о ее божественной сладости.

Мой кузен так странно, так растерянно смотрел мне в рот, что я не выдержала и рассмеялась, но, тут же взяв себя в руки, серьезно сказала, протягивая коробку Кямрану:

– Ну, можно считать, что вы научились. Разрешаю вам взять одну.

Кямран, и шутя, и гневаясь, оттолкнул коробку:

– Не хочу. Пусть все будут твои.

– И за это тоже большое спасибо!

Кажется, нам уже не о чем было разговаривать. Справившись, как этого требовал этикет, о домашних и передав всем приветы, я сунула коробку под мышку и уже собиралась выйти, но вдруг из соседней комнаты донесся легкий шум. Я так и замерла, превратившись в слух.

Стукнула дверь в комнате, где хранились наши учебные таблицы и карты. Потом я услышала, как одна из этих таблиц упала на пол. За стеклянной дверью началась какая-то мышьяная возня.

Незаметно для кузена я бросила взгляд на дверь, и что же я увидела?! На матовом стекле огромная тень головы. Я тотчас смекнула, в чем дело. Это была Мишель. Очевидно, сказав глупой сестре, будто ей нужна какая-то карта, она пробралась в эту комнату и начала подсматривать за нами.

Тень исчезла. Теперь я была уверена, что Мишель подглядывает в замочную скважину. Что мне было делать? Считая нас влюбленными, она, конечно, ждала чего-то необычайного. Если она увидит, что, прощаясь с кузеном, я скажу обычное: «Ну счастливо, привет домашним!» – то все тотчас же поймет, а потом, поймав в коридоре, взлохматит мои волосы и скажет со смехом: «Так ты мне сказки рассказывала, да?»

Страх перед разоблачением заставил меня пойти на вероломство. Это было нехорошо, но раз уж я начала играть роль, следовало продолжать ее до конца.

Как и большинство моих подруг, Мишель не знала турецкого языка. Поэтому не важно, о чем мы будем говорить: достаточно того, чтобы наши голоса, жесты создавали впечатление влюбленной пары.

– Ах, чуть не забыла! – неожиданно сказала я Кямрану. – Внук кормилицы еще дома? Это был сирота, который уже несколько лет жил у нас.

Кямран удивился:

– Конечно, дома... Куда же он денется?

– Ну конечно... Я знаю... Впрочем... Как знать... Я так люблю этого ребенка, что...

Кузен улыбнулся:

– Не понимаю, откуда такая любовь? Ты, кажется, даже не смотрела на бедняжку.

Сделав неопределенный жест, я ответила:

– Ну и что с того, что не смотрела? Разве это доказывает, что я не люблю его? Какой абсурд! Напротив, я безумно люблю мальчика! Так люблю!..

Слово «люблю» я произносила с тем особым чувством, склонив голову, прижимая руки к груди, как это сделала бы актриса, играя «Даму с камелиями». Краем глаза я все время следила за стеклянной дверью. Если Мишель знала хоть шесть слов по-турецки, то три из них были: «любить», «любовь», «люблю». Впрочем, я могла ошибаться в своем предположении. Но тогда моей подруге ничего не стоило заглянуть в словарь или спросить знающих турецкий язык, и она тут же узнала бы, какой «ужасный» смысл таят в себе слова: «Так люблю...»

Однако мне надо было думать не только о Мишель, но еще и о наших отношениях с Кямраном; и вот тут-то я, кажется, терпела поражение. Мои слова и жесты страшно рассмешили кузена.

– Что с тобой, Феридэ? – удивлялся он. – Откуда в тебе такая нежность?

Не важно, откуда появились эти чувства. Сейчас не время было философствовать.

– Что поделаешь? Это так. Люблю – и все! – сказала я с прежним жаром. – Обещай мне: как только приедешь домой, ты этому бедному младенцу, этому малышу передай на память... Сувенир... Ну, сам понимаешь, сувенир d'amour¹⁴.

Ах как мне хотелось в присутствии Мишель дать Кямрану какую-нибудь безделушку для внучонка кормилицы! Но, как назло, в кармане у меня не было ничего, кроме бумажного катышка, которым я собиралась запустить в престарелую сестру, всегда дремавшую на вечерних занятиях. И тогда безвыходное положение вдохновило меня на нечто большее. Словно желая заключить Кямрана в свои объятия, я схватила его за руки.

¹⁴ То есть на память о любви.

– Ты должен обнять за меня этого малыша и много, много раз поцеловать его. Понимаешь? Обещаешь мне это?

Мы были почти в объятиях друг друга. Я чувствовала его дыхание. Мой бедный неосведомленный кузен не мог понять этой бури чувств и пребывал в страшной растерянности. Роль была сыграна великолепно. Можно было опускать занавес. Я отпустила руки Кямрана и задыхаясь выскочила из комнаты. Я ждала, что Мишель догонит меня в коридоре, бросится на шею. Однако ничего не случилось. Я не услышала за собой шагов и остановилась, потом тихонько подошла к комнате, где хранились наши карты, и прислушалась. Изнутри не доносилось ни звука. Я не вытерпела и толкнула дверь. Кого же я увидела?! Это был старый брат Ксавье, который иногда приходил к нам давать уроки музыки. Он стоял на скамейке, согнув в коленях старческие ноги, и искал в верхнем ящике шкафа нотные тетради.

Ах, будь он неладен! Принять старикашку за Мишель!.. Только опозорилась перед Кямраном!

Я чувствовала, что лицо мое пылает огнем, как во время приступа лихорадки. Вместо того чтобы вернуться в класс, я вышла в сад, подошла к источнику и сунула голову под струю воды.

Мало того, что я вся пылала, тело мое охватывала какая-то странная дрожь. Вода стекала по волосам, по лицу, проникая за рубашку, а я стояла и думала:

«Если уже игра в любовь заставляет человека так гореть и трепетать, так какова же сама любовь?!»

* * *

В этот год Кямран часто приходил ко мне в пансион, так часто, что всякий раз, когда в классе открывалась дверь, сердце мое начинало учащенно биться, словно это опять пришли за мной из прихожей. Можно сказать, что шоколада, печенья и пирожных, которые мне преподносил Кямран, хватало на весь класс.

Моя подружка по классу Мари Пырлантаджиян, знаменитая не только прилежанием, но и своим обжорством, разгрызая большими белыми зубами мои конфеты, говорила с нескрываемой завистью и восхищением:

– Как, наверно, любит тебя твой поклонник, если он приносит такие вкусные вещи!

Вместе с тем вся эта история начала мне уже надоедать. Меня часто мучило угрызение совести: подарки Кямрана – это была плата болтливой девчонке за молчание, а я выдавала их подружкам за знаки внимания. Как это было нечестно! Да и почему Кямран так зачастил в пансион? Всякий раз у него была какая-нибудь причина: «Шел проведать больного товарища, который живет тут неподалеку...» Или: «Хотел послушать музыку в саду Таксим...»

Как-то во время очередного визита он сказал, хотя я его ни о чем не спрашивала:

– Был в Нишанташи у старого приятеля отца. Отец его очень любил.

Не удержавшись, я кинулась в атаку:

– Как его звать? Чем он занимается? Где живет?

Мой кузен растерялся. Нападение было так неожиданно, что он не успел даже выдумать имя и адрес. Покраснев, смущенно улыбаясь, он хотел было обмануть меня словами:

– Зачем тебе это знать? Для чего тебе? Какое странное любопытство!

Я вела себя так, будто вопрос был очень важный.

– Хорошо же. Я спрошу об этом у тети на той неделе.

Кямран сделался совсем пунцовым.

– Прощу тебя, – взмолился он, – не говори об этом маме. Она не хочет, чтобы мы встречались.

Коварный скорпион, вечно ты будешь меня обманывать!.. Я знаю, что ты собой представляешь! Рассердившись, я вскочила с кресла и сунула в карманы передника руки, которые он пытался схватить.

– Если вы считаете, что меня интересуют друзья вашего отца или ваши собственные друзья, вы ошибаетесь. – Я выпалила это совершенно неожиданно, ни с того ни с сего, и вышла.

После этого случая всякий раз, когда Кямран появлялся в пансионе, я под разными предлогами не выходила к нему. Коробки, которые он продолжал приносить, я открывала в саду или классе и тут же отдавала на разграбление подругам, даже не притронувшись к ним.

Все было ясно. Несомненно, счастливая вдовушка жила где-нибудь недалеко от пансиона. Они договорились еще в ту ночь... Мой кузен часто хаживал к ней в гости, а на обратном пути заглядывал в пансион.

Какое мне дело до их нравственности?! Но меня бесило, что я стала игрушкой в их руках. Всякий раз, когда я думала об этом, меня бросало в жар, и я кусала губы, чтобы не заплакать от злости.

Было, конечно, очень просто узнать, где живет Нериман, спросив об этом дома. Но я не представляла себе, как можно произнести вслух имя этой женщины.

Однажды в воскресенье я гостила дома. Кто-то обратился к Неджмие:

– Ты знаешь, два дня тому назад я получила письмо от Нериман. Кажется, она очень счастлива...

В этот момент я собиралась выйти из комнаты, чтобы искупать в бассейне маленького пуделя. Услышав это известие, я остановилась у порога, присела на корточки и осторожно выпустила собачонку на пол. Расспрашивать о счастливой вдовушке я, конечно, не стала бы, но никто не мог запретить моим ушам слушать.

– Нериман очень довольна мужем. Ах, если бы бедняжка хоть на этот раз оказалась счастливой! – продолжала гостя.

А Неджмие, как глупое эхо под куполом бани, повторила:

– Да, да, пусть хоть в этот раз будет счастлива, бедняжка!

На этом разговор прекратился. Неожиданно все выяснилось само собой.

Я спросила шутливо:

– Ханым-эфенди вторично вышли замуж?

– Какая ханым-эфенди?

– Та, от которой вы получили письмо. Нериманханым.

Неджмие ответила мне за гостью:

– Как, разве ты не знала? Давно... Нериман вышла замуж за инженера. Вот уже полгода они с мужем в Измире.

Тут я сама пропела, как молитву:

– Ах, пусть бедняжка хоть на этот раз будет счастлива! – подхватила собачонку на руки и выскочила из дома.

Но к бассейну я уже не пошла, а помчалась по саду не разбирая дороги.

* * *

В то же лето я совершила небольшое путешествие в Текирдаг¹⁵. Как известно, Аллах очень щедро награждал меня тетками. Так вот, одна из них жила в Текирдаге. Ее супруг Азизбей много лет служил там мутесаррифом¹⁶. У них была дочь Мюджян. Среди многочисленных двоюродных братьев и сестер я, кажется, любила ее больше всех.

¹⁵ Текирдаг – город в европейской части Турции, на берегу Мраморного моря.

¹⁶ Мутесарриф – начальник округа.

Мюжгян была очень некрасива, но для меня это не имело никакого значения. Я была младше всего на три года, но с детства привыкла считать Мюжгян совсем взрослой. И теперь, хоть разница в годах проявлялась все меньше, мое отношение к ней не изменилось, и я по-прежнему величала ее «абла»¹⁷.

Мюжгян-абла была моей полной противоположностью. Насколько я считалась сумасбродной и озорной, настолько она слыла серьезной и вдумчивой. Вдобавок ко всему она была крайне деспотична. Можно сказать, что только она могла заставить меня сделать все, что ей захочется. Даже если наставления ее обижали меня или я упрячилась, не считаясь с ее желаниями, в конечном счете мне всегда приходилось уступать. Почему? Не знаю. Наверно, потому, что познавший несчастье любви всегда превращается в пленника.

Обычно раз в два-три года Мюжгян вместе с матерью приезжала в Стамбул и гостила у нас или у других теток по несколько недель.

Но в то лето мне прислали из Текирдага почти официальное приглашение. Тетка Айше писала сестре: «На вас я не рассчитываю, но Феридэ мы ждем в эти каникулы непременно, хотя бы на два месяца. Я ведь тоже ей как-никак тетя. Если Феридэ не придет, и дядя Азиз, и я, и Мюжгян – мы все очень обидимся».

Текирдаг казался тетке Бесимэ и Неджмие краем света. Они шурились, словно смотрели на далекие звезды, и твердили:

– Виданное ли это дело? Возможно ли?

– Если вы разрешите, я буду иметь честь доказать вам, что невозможного не бывает, – отвечала я, склоняясь перед ними с шутиливой почтительностью.

Многие из моих подруг на летние каникулы уезжали куда-нибудь вместе с родителями и потом страшно хвастались перед другими девочками. Выходит, и мне представлялся подобный случай.

А хорошо бы к прошлогодней сказке о возлюбленном в этом году прибавить еще рассказ о путешествии! Как хотелось мне, взяв в руки портфель, самостоятельно, подобно американским девицам, о которых мы читали в романах, подняться одной на борт парохода. Но какими воплями встретили тетки мое желание! Они ни за что не соглашались отправить меня в Текирдаг без провожатого. Мало того, они испортили мне настроение всякими обидными наставлениями: «В темноте не свешивайся с палубы... Ни с кем не разговаривай... Не бегай, как сумасшедшая, по пароходным трапам...» Можно подумать, что у старенького, величиной с калошу, пароходишка, курсирующего до Текирдага, были стометровые трапы, как у трансатлантического гиганта.

С Мюжгян мы не виделись два года. За это время она сильно выросла и превратилась в настоящую даму. Мне было даже страшновато с ней разговаривать. И все-таки мы очень быстро подружились опять.

У тетки Айше и Мюжгян было много знакомых. Поэтому каждый день нас приглашали куда-нибудь в гости, то в город, то на дачу. Мне все время твердили, что я уже совсем взрослая и нехорошо, если меня станут стыдить за легкомысленное поведение. Вот и приходилось теперь внимательно следить за своими поступками. Говорить комплименты незнакомым дамам, стараться серьезно и деликатно отвечать на их вопросы – как это было похоже на детскую игру «в гости»! Но, честно сказать, я даже испытывала некоторую гордость от общения со взрослыми.

Все эти приемы меня, конечно, развлекали, но больше всего я любила часы, когда мы с Мюжгян оставались одни.

Дом дяди Азиза стоял на обрыве, недалеко от моря.

В первое время Мюжгян-абла приходила в ужас, видя, как я спускаюсь с обрыва, в некоторых местах похожего на отвесную стену, пыталась запретить мне это, но потом привыкла.

¹⁷ Абла – старшая сестра.

Мы часами валялись с ней на песке, швыряли с берега плоские камешки и глядели, как они скользят и подпрыгивают по водной глади, или же уходили далеко-далеко по берегу моря.

Море в это время года красивое, тихое, но скучное. Случалось, на нем часами нельзя было увидеть парус или хотя бы тоненькую струйку дыма. Особенно к вечеру водяной простор как бы еще больше раздавался, казался совсем пустынным и навевал тоску.

Однажды, сговорившись заранее, мы с Мюжгян направились к мысу, который виднелся вдали. У нас был план: добраться до залива по ту сторону скал, образующих мыс. Но, как назло, начался прилив, и берег залило водой. Не оставалось ничего другого, как разуться и пойти по воде. Я даже обрадовалась этой необходимости. Но как быть с такой взрослой барышней, как Мюжгян?

Я знала, что ее ни за что не заставишь снять чулки и туфли, поэтому предложила:

– Хочешь, Мюжгян-абла, я перенесу тебя на спине?

– Сумасшедшая девчонка, разве ты сможешь поднять взрослого человека! – запротестовала Мюжгян.

Бедная Мюжгян считала, что если она старше меня и выше ростом, то у меня не хватит силенок поднять ее.

Тогда я незаметно подкралась к ней.

– Посмотрим, попытаемся. Выйдет замечательно! – воскликнула я, подхватила ее на руки и двинулась в воду.

Мюжгян сначала подумала, что я только пробую силы. Она весело протестовала, пытаясь освободиться:

– Ты с ума сошла! Отпусти! Все равно не донесешь!

Но, увидев, что я уже шлепаю босыми ногами по воде, Мюжгян совсем обезумела.

– Ты легче пушинки, абла, – успокаивала я. – Будешь дергаться – свалимся в воду, плохо нам придется. Веди себя спокойно, страшного ничего не случится.

Бедная девушка смертельно побледнела, вцепилась в мои волосы, зажмурила глаза, стиснула зубы, точно боялась, что одно произнесенное слово нарушит равновесие и мы упадем.

Вода доходила мне всего лишь до колен, а несчастная Мюжгян жмурилась, боялась пошевелиться, словно мы шагали над пропастью.

Что же мы увидели, обогнув мыс?

У лодки, вытасенной на берег, сидели за едой три рыбака и смотрели на нас.

Мюжгян неожиданно испугалась, до боли стиснула мне руки и зашептала:

– Что ты натворила, Феридэ? Что теперь делать?

– Да ведь это рыбаки, не людоеды, – засмеялась я в ответ.

Все же наше положение было действительно щекотливым. Особенно у меня. С голыми до колен ногами, с чулками в руках, я никак не была подготовлена к встрече с людьми.

Мюжгян уже готова была кинуться бежать, словно тонконогий паучок от швабры. Мне стало стыдно за нее, но я не подала виду и принялась болтать с рыбаками.

Я спросила, почему вода в этот день затопила берег, поинтересовалась, в какие часы и где они ловят рыбу. Словом, это были пустяковые вопросы, только для того, чтобы что-то сказать.

Двое из рыбаков были молодыми парнями лет по двадцати – двадцати пяти, третий – бородатый старик.

Парни казались смущенными. Старик отвечал за всех. Однако ясно было, что он, как и я, испытывает неловкость.

Он спросил, кто я. Замявшись немного, я ответила:

– Меня звать Марика. Я приехала из Стамбула погостить у своего дяди-купца... – и пошла прочь.

Мюжгян вцепилась мне в руку и потащила назад.

– Да накажет тебя Аллах, – причитала она, – зачем ты обманула?

– А что такое я сказала? Тетушки в Стамбуле строго наказывали мне: «Не болтай лишнего... Не мели чепухи... В тех краях все люди сплетники...» Вот я и ответила, чтобы рыбаки не сказали: «Ну и мусульманская девица! Не то что лицо, даже ноги открыты».

Словом, эта трусиха Мюжгян сделала из мухи слона...

* * *

Вечером, когда мы с Мюжгян гуляли под руку, я заметила, что невдалеке от нас кружит верхом молоденький кавалерийский офицер. Можно было подумать, что он здесь, как на плацу, дрессирует лошадь. Неужели для конных прогулок мало места в степи? Однако он продолжал ездить взад и вперед, а поравнявшись с нами, бросал на нас такие выразительные взгляды, что, казалось, вот-вот остановит лошадь и заговорит.

Когда наконец он чуть ли не в десятый раз проехал у нас под носом, гарцуя на своем скакуне так лихо, что нам пришлось даже отступить за деревья, я легонько кашлянула и улыбувшись сказала:

– Все ясно, Мюжгян-абла!

Мюжгян глянула на меня удивленно:

– Что ты этим хочешь сказать, Феридэ?

– Хочу сказать, что мы уже не дети, как прежде, абла. Здорово же вы флиртуете с господином офицером.

Мюжгян засмеялась:

– Я?.. Сумасшедшая девчонка...

– А что может случиться, если вы снизойдете до того, чтобы поболтать с ним немного по-приятельски?

– Ты думаешь, офицер гарцует из-за меня?

– Надо быть глупой, чтобы не видеть этого.

Мюжгян опять улыбнулась, на этот раз в глазах ее мелькнуло что-то похожее на страдание.

– Дитя мое, – вздохнула она, – я ведь не из тех, за которыми увиваются... Это он из-за тебя крутится вокруг нас.

– Что ты говоришь, абла! – воскликнула я, широко раскрыв глаза.

– Да, да, из-за тебя. Я видела его и до твоего приезда. Но тогда он проезжал мимо, не отличая меня вот от этих придорожных деревьев. Он проезжал и больше не возвращался.

В тот же вечер после ужина мы вышли с Мюжгян из дома и молча двинулись к морю.

– У тебя какое-то горе, Феридэ? – нарушила наконец молчание Мюжгян. – Ты молчишь, тебя не слышно...

– У меня не выходит из головы чепуха, которую ты мне сказала днем. Мне грустно, – помедлив, ответила я.

– Почему? В чем дело? – удивилась Мюжгян.

– Ты сказала: «Я не из тех, за которыми увиваются!»

Мюжгян тихо засмеялась:

– Хорошо, но тебе-то что?

Глаза мои наполнились слезами, я схватила кузину за руки и глухим голосом спросила:

– Разве ты некрасива, абла?

Мюжгян опять улыбнулась, щелкнула меня легонько по щеке и сказала:

– Я, конечно, не урод, но и не красавица, давай считать – обыкновенная и не будем больше спорить об этом. Что касается тебя... Знаешь, ты стала просто изумительной!

Я притянула Мюжгян за плечи к себе, коснулась носом её носа, словно собираясь поцеловать, и шепнула:

– Давай и про меня скажем, что я обыкновенная... И на этом покончим.

Мы подошли к обрыву. Я принялась подбирать с земли камни и швырять в море. Мюжгян последовала моему примеру, у бедняжки ничего не получалось, слишком слабы были руки.

Брошенный мною камень на миг исчезал в воздухе, затем падал в воду, разбрызгивая во все стороны сотни сверкающих звезд. А камни Мюжгян едва долетали до обрыва и стучались о гальку, издавая какой-то смешной звук, или же зарывались в прибрежный песок. Нас это ужасно забавляло. Казалось бы, залитое лунным светом море должно было вдохновлять нас, двух молодых девушек, отнюдь не на шалости. Но что поделаешь, все было наоборот. Вскоре Мюжгян устала и села на большой камень. Я опустилась на землю у ее ног.

Мюжгян расспрашивала меня о школьных подругах. Я поведала ей несколько историй, связанных с Мишель. Потом как-то само собой начала рассказывать историю моей выдуманной любви.

Зачем меня дернуло эта сделать? Была ли это просто потребность поболтать?.. Не знаю. Я несколько раз пыталась остановиться, чувствуя, что говорю вздор, но не могла. В общем, я рассказала, как обманула своих подружек сказкой про белого бычка. В пансионе мне приходилось прикидываться страдающей – уж такую я себе придумала роль, – но и теперь мне тоже вдруг становилось грустно, хотя для этого не было никаких оснований. Голос мой как-то затухал, на глаза навертывались слезы... Я старалась не смотреть в лицо Мюжгян, теребила подол ее платья или же клала голову ей на колени и все время смотрела вдаль, на море...

Сначала я хотела скрыть от Мюжгян героя этой сказки, но потом проговорила.

Мюжгян слушала молча, только поглаживала рукой мои волосы.

– Конечно, выдать моим подружкам ложь за правду, а вымысел за действительность очень стыдно... – закончила я свой рассказ.

И как вы думаете, что мне на это ответила Мюжгян?

– Моя бедная Феридэ, – сказала она, – ты и в самом деле любишь Кямрана.

Я с криком кинулась на Мюжгян, повалила ее на сухую траву и принялась что было силы трясти:

– Что ты сказала, абла? Что ты сказала?! Я?.. Этого коварного желтого скорпиона?..

Мюжгян отбивалась и задыхаясь старалась вырваться.

– Пусти меня... Платье порвешь... Увидит кто-нибудь... Стыд-то какой! Отпусти, ради Аллаха! – умоляла она.

– Ты должна непременно взять свои слова обратно!

– Непременно возьму, сделаю все, что хочешь, только отпусти.

– Нет, не для того, чтобы не обидеть меня, без обмана...

– Хорошо. Не для того, чтобы не обидеть... Без обмана... По-настоящему...

Мюжгян поднялась, поправила платье.

– А ты и в самом деле сумасшедшая, Феридэ, – засмеялась она.

Я сидела на земле и дрожала.

– Как ты можешь так клеветать на меня! Побойся Аллаха, абла! Ведь я еще ребенок! – И слезы ручьем хлынули у меня из глаз.

В эту ночь у меня начался сильный жар. Я никак не могла заснуть, бредила, металась по кровати, точно рыба, попавшая в сеть.

К счастью, ночи были короткие. До самого рассвета Мюжгян не отходила от меня.

Я испытывала к себе отвращение, смешанное с непреодолимым страхом. Казалось, во мне что-то изменилось. Я без конца всхлипывала, прижимаясь к Мюжгян, и повторяла, как капризный ребенок:

– Зачем ты так сказала, абла?

Мюжгян отмалчивалась, видимо, боялась подвергнуться новому нападению; она положила мою голову к себе на колени, гладила волосы, стараясь успокоить меня. Но под утро Мюжгян так разнервничалась, что не выдержала, взбунтовалась и как следует пробрала меня:

– Сумасшедшая, разве любить – стыдно? Светопреставления-то не случилось! И если в будущем ничего не произойдет, вы поженитесь. Вот и все... Теперь спи, я рядом. Мне твое хныканье надоело.

И тут-то я спасовала. У меня уже не было сил сопротивляться такому неожиданному натиску. Я сдалась, как коза из детской сказки, которая всю ночь в горах сражалась с волком, но под утро все-таки угодила ему в пасть.

Уже сквозь сон я услышала, как Мюжгян опять повторила ласковым голосом:

– Наверно, и он к тебе неравнодушен.

Но у меня уже не было сил возмущаться, я уснула.

На следующий день нас пригласили в усадьбу одного из местных богачей.

Кажется, за всю свою жизнь я еще никогда так не веселилась и в то же время никогда так не безумствовала, как в тот день.

Предоставив тетке и Мюжгян сплетничать у бассейна со взрослыми, я во главе младших обитателей усадьбы как угорелая носилась по саду, сметая все на своем пути. Я не побоялась даже попробовать вскарабкаться, правда безуспешно, на неоседланную лошадь. Когда я попала на глаза тетке и Мюжгян, они делали мне отчаянные знаки. Я прекрасно понимала, что они хотят сказать, но притворялась, будто до меня не доходит смысл этих жестов, и вновь исчезала среди деревьев.

Конечно, неприлично здоровой, как кобыла (деликатное и любимое выражение моих теток), пятнадцатилетней девице проказничать среди слуг и работников усадьбы, носиться растрепанной, с непокрытой головой и оголенными ногами... Я это и сама хорошо понимала, но никак не могла заставить себя внять голосу разума.

Улучив момент, когда Мюжгян осталась одна, я схватила ее за руку.

– Неужто тебе интересно с этими манерными, как армянская невеста, барышнями? Пойдем поиграем с нами!

Мюжгян даже рассердилась:

– Ты меня всю ночь терзала до утра! Удивительное существо! Прямо чудовище какое-то! В каком ты состоянии была этой ночью, Феридэ! Двух часов не поспала, вскочила ни свет ни заря; неужели ты не чувствуешь ни капли усталости? Щеки румяные, глаза блестят. Посмотри, на кого я похожа!

Бедная Мюжгян действительно плохо выглядела. От бессонницы лицо ее вплоть до белков глаз было воскового цвета.

– А я не помню, что было ночью... – ответила я и снова убежала.

Под вечер мы возвращались домой пешком, наш экипаж где-то задержался. По-моему, это было гораздо приятнее, да и имение находилось недалеко от нашего особняка. Тетушка Айше и две соседки ее возраста плелись позади. Я и Мюжгян, которая наконец решила немного оживиться, ушли далеко вперед. По одну сторону дороги тянулись сады, огороженные плетнями, изредка попадались полуразвалившиеся стены когда-то стоявших здесь домов; по другую – простиралось безнадежно-пустынное море без парусов, без дымков, дышавшее молчаливым отчаянием.

В садах уже хозяйничала поздняя осень. Зелень, обвивающая плетни и заборы, поблекла. Изредка попадались увядшие полевые цветы. На пыльную дорогу ложились дрожащие тени чахлах грабов, выстроившихся вдоль обочины, с ветвей уже слетали первые листья.

А вдали, в глубине запущенных садов, горели красноватыми пятнами заросли ежевики. Без сомнения, Аллах создал эту ягоду для того, чтобы мои тезки – чалыкушу – лакомились ею. Поэтому я поворачиваюсь спиной к тоскующему морю, хватаю Мюжгян за руку и тащу ее туда, к багряным кустам.

Наши спутницы уже поравнялись с нами, но пока они черепашным шагом дойдут до угла, мы сто раз успеем добежать до кустов.

Мюжгян столь медлительна и неповоротлива, что не только меня, человека нетерпеливого, – кого хочешь сведет с ума. Когда мы плетемся по полю, каблуки у нее подворачиваются, она боится наколоть соломой ноги, нерешительно топчется на месте, прежде чем перепрыгнуть через узкую канавку.

Неожиданно на нас выскакивает собака. Собачонка такая, что поместится в ридикиоле Мюжгян. Но абла уже готова бежать, звать на помощь. И наконец, кроме всего прочего, она боится есть ежевику.

– Захвораешь, живот заболит! – кричит она, вырывая у меня ягоду из рук.

Приходится с ней немного повздорить. Из-за нашей возни ежевика мнется, прилипает к лицу, оставляет пятна на моей белой матроске, широкий воротник которой украшен двумя серебряными якорями.

Я думала, что мы сто раз успеем полакомиться ягодами, пока взрослые дойдут до угла. Но они уже достигают поворота, а мы боремся с Мюжгян из-за ежевики.

Очевидно, они беспокоятся и поэтому не сворачивают, смотрят в нашу сторону. Рядом с ними какой-то мужчина.

– Интересно, кто же это? – спрашивает Мюжгян.

– Кто может быть? – ответила я. – Какой-нибудь прохожий или крестьянин...

– Не думаю...

– Откровенно говоря, я тоже сомневаюсь...

В вечерних сумерках да еще под тенью деревьев, росших у дороги, невозможно было различить черты лица незнакомца.

Вдруг мужчина замахал нам рукой, отделился от группы женщин и направился в нашу сторону.

Мы растерялись.

– Странно... – сказала Мюжгян. – Очевидно, это кто-нибудь из знакомых. – И тут же взволнованно добавила: – Ах, Феридэ, это, кажется, Кямран...

– Не может быть! Что ему здесь делать?

– Клянусь Аллахом, это он, он самый!

Мюжгян побежала навстречу. Я же, напротив, пошла еще медленней, чувствуя, как у меня перехватывает дыхание, подгибаются ноги.

У дороги я остановилась, поставила ногу на большой камень, нагнулась, развязала шнурок ботинка и принялась снова медленно его завязывать.

Когда мы очутились с Кямраном лицом к лицу, я была спокойна и даже чуть-чуть насмешлива.

– Удивительно! Вы здесь?.. Как это вы отважились совершить столь длительное путешествие?

Он ничего не ответил, лишь, робко улыбаясь, смотрел мне в лицо, словно стоял перед чужим человеком. Затем протянул мне руку. Я быстро отдернула свою и спрятала за спину.

– Мы с Мюжгян-аблой устроили себе ежевичный банкет. У меня руки липкие. Да и пыль к ним пристала... Как тетушки? Как Неджмие?

– Они целуют тебя, Феридэ.

– Мерси.

– Как ты загорела, Феридэ! Вся в пятнах.

– Это от солнца...

Тут вмешалась Мюжгян:

– Ты сам в пятнах, Кямран.

Я не выдержала.

– Кто знает, может, он без зонтика гулял в лунные ночи...

Мы рассмеялись и пошли.

Через минуту тетушка Айше и Мюжгян взяли моего кузена под руки. Соседки, которым было далеко за сорок, но которые, видимо, считали себя еще за женщин, а Кямрана – уже за мужчину, шли чуть поодаль.

Я с детьми шагала впереди, но все время прислушивалась к тому, что говорили за моей спиной. Кямран рассказывал моей тетке и Мюжгян, каким ветром его сюда занесло.

– Этим летом я так затосковал в Стамбуле! Трудно даже передать...

Я гневно топнула ногой о землю и подумала: «Конечно, затоскуешь... Упустил свою счастливую вдовушку на чужбину!..»

Между тем Кямран продолжал:

– Два дня тому назад – это было пятнадцатого числа – мы с компанией друзей поднялись ночью на гору Алемдаг. Ночь была неповторимая. Но, знаете, я не переношу утомительных развлечений! Под утро, никому ничего не сказав, я спустился один в город. Словом, мне было как-то не по себе, я заскучал и решил, что неплохо бы на несколько дней уехать из Стамбула. Но куда поедешь? В Ялова? Еще не сезон. В Бурсе сейчас адское пекло. И вдруг я вспомнил про Текирдаг. К тому же мне так захотелось вас увидеть!

В этот вечер тетка с мужем до позднего часа не отпускали Кямрана из сада. Мюжгян тоже не отходила от них ни на шаг, хотя едва стояла на ногах от усталости.

Я же старалась все время держаться в стороне, часто убегала в дом или пряталась в глубине сада.

Не помню, зачем мне вдруг понадобилось подойти к ним. Кямран обиженно сказал:

– Вижу, гостю здесь отказывают во внимании.

Я засмеялась и пожала плечами:

– Ведь говорят же: гость гостя не терпит.

Мюжгян хватала меня за руку, дергала за подол платья, словно желая остановить меня. Но я все-таки вырвалась и направилась к дому, заявив, что хочу спать.

Когда поздно ночью Мюжгян пришла в нашу комнату, я еще не спала. Она присела на край постели, заглянула мне в лицо. Чтобы не рассмеяться, я повернулась на другой бок и принялась храпеть, Мюжгян заставила меня поднять голову с подушки.

– Нечего притворяться!

– Клянусь, я спала, – ответила я, тараща на нее глаза.

Мы обе не удержались и захохотали.

Мюжгян потрепала меня по щеке.

– Мое предположение подтвердилось, – сказала она.

Я рывком выпрямилась и села на кровати, отчего пружины зазвенели.

– Что ты хочешь сказать?

Мюжгян испугалась.

– Ничего, ничего, – сказала она улыбаясь. – Только, ради Аллаха, не надо меня душить. Я умираю от усталости.

Она потушила лампу и легла в постель.

Через несколько минут я все же подошла к ней, обняла ее и прижала к груди. Но бедняжка уже спала.

– Не надо, Феридэ... – попросила она, не открывая глаз.

– Хорошо, – сказала я. – Только ты должна знать... Пока я не скажу тебе – все равно не засну.

И хоть в комнате было темно и Мюжгян лежала с закрытыми глазами, я уткнулась лицом в ее волосы и зашептала на ухо:

– У тебя в голове безумные мысли. Я понимаю... Но если ты хоть что-нибудь ему скажешь, я схвачу тебя и вместе с тобой брошусь в море...

– Хорошо... хорошо... – пробормотала Мюжгян. – Что тебе надо? – И опять моментально заснула, хотя я продолжала тихонько трясти ее.

Приезд Кямрана действительно испортил мне настроение. Я испытывала к нему смешанное чувство гнева, страха и отвращения. Это чувство росло с каждым днем. Когда мы оставались с кузеном наедине, я без всякой причины грубила ему, старалась поскорее убежать.

К счастью, Азиз-бей, муж тетки, полностью завладел гостем. Он без конца приглашал в дом приятелей, знакомил их с Кямраном, почти каждый день увозил его в экипаже на длительные прогулки или в гости к кому-нибудь из местных богачей.

Однажды утром я столкнулась с кузеном на лестнице. Кямран опять собирался отправиться куда-то в гости. Он загородил мне дорогу, потом, глянув по сторонам, словно желая убедиться, что никто не услышит, сказал:

– Я умру от столь чрезмерного гостеприимства, Феридэ.

Я прикинула, что не сумею проскользнуть между ним и лестничной решеткой, не прижавшись к нему.

– Разве это плохо? – сказала я. – Вас каждый день катают, развлекают.

Кямран иронически-грустно улыбнулся и закатил глаза:

– «Гость гостя не терпит». Но вспомнил старое правило: гость на гостя хозяину наговаривает. Смотри, и я скажу что-нибудь...

Кямран почему-то рассердился на мои слова, сказанные вечером в день его приезда: «Гость гостя не терпит». Он без конца напоминал мне об этом, стараясь тоже меня поддеть.

– Хорошо, – сказала я. – Но, по-моему, жаловаться вам не на что. Каждый день вы знакомитесь с новыми местами, с новыми людьми...

Кямран снова поморщился:

– Разве люди, которых я вижу, могут развлечь?

Я не удержалась и спросила:

– Где же нашим бедным родственникам сыскать других?

Кямран понял, на кого я намекаю. Он сделал шаг и, протянув ко мне руки, взволнованно сказал:

– Феридэ!..

Но руки его так и повисли в воздухе. Я шмыгнула в узкое пространство между ним и лестничной решеткой и, прыгая через две ступеньки и напевая какую-то песню, убежала в сад.

Все-таки Мюжгян выдала меня.

Однажды утром мы прогуливались по обрыву у берега моря. Ночью прошел дождь, и в воздухе была разлита приятная осенняя свежесть. Беспорочное облако, клубившееся, как туман или дым, закрывало солнце, и тогда на неподвижной глади моря дрожали светлые блики.

Вдали неподвижно, как тени, стояли две-три рыбацьи лодки с повисшими парусами.

Вдруг я увидела, что по дороге идет Кямран, неизвестно каким образом оказавшийся в этот день свободным.

Мюжгян сидела на корне большого дерева лицом к берегу и не заметила кузена. Я тоже сделала вид, будто не замечаю его, и повернулась к морю. Я не видела Кямрана, не слышала его шагов, но чувствовала, что он идет в нашу сторону. Подбородок мой мелко задрожал.

– В чем дело? – спросила Мюжгян. – Почему ты примолкла?

Она обернулась. В нескольких шагах от нас стоял Кямран.

Было ясно, что нам не избежать разговора.

Кузен шутливо обратился к Мюжгян:

– Вы и сегодня не забыли зонтик?

– Да, ведь и сегодня может пойти дождь, – засмеялась Мюжгян.

Кямран говорил, что ему очень нравится сегодняшняя погода, похожая на его задумчивый и нерешительный характер. Мюжгян, слушая его слова, развлекалась тем, что открывала и закрывала зонтик.

– Погода приятная, но навевает грусть, – возразила она. – В это время года все дни такие. А потом зима. Вы не знаете, как тоскливо здесь зимой! Отец вот, напротив, очень привык к этим местам, и его пугает мысль о переводе.

– Ну зачем так ругать здешние края! Возможно, вы еще замуж выйдете за какого-нибудь местного богача, – пошутил Кямран.

Мюжгян приняла все всерьез и покачала головой:

– Упаси меня Аллах.

В это время мимо нас проходил босой рыбак, голова его была повязана красным платком. Это был тот самый старик, которому я однажды представилась как Марика.

– Давненько тебя не было видно, Марика, – сказал он.

– Да вот готовлюсь как-нибудь выйти с вами на рыбную ловлю, – отозвалась я.

Болтая таким образом, мы зашагали со стариком к обрыву.

Когда я вскоре вернулась назад, Мюжгян рассказывала кузену историю с именем Марика. Под конец она схватила меня за руку и воскликнула:

– Это, наверно, не меня, а Феридэ мы оставим навеки в Текирдаге! Такова ее судьба. За нее сватается сын рыбака по прозвищу Иса-капитан. Не смотрите, что рыбак, он очень богатый человек.

Кямран улыбнулся:

– Пусть будет даже миллионер, но в такой степени демократами мы не станем. Не правда ли, Феридэ? Я, как двоюродный брат, решительно протестую.

Обычно умную и тактичную Мюжгян сегодня толкал какой-то черт-предатель. Догадайтесь, что моя абла ответила на это Кямрану?

– Но и это еще не все, – продолжала она. – У Феридэ есть куда более блестящая перспектива. Например, один кавалерийский офицер, сверкающий, как солнце. Каждый день под вечер он подъезжает к нашему дому и продельывает на своем коне разные фокусы, стараясь понравиться Феридэ.

Кямран расхохотался. Но в этом смехе было что-то странное, не похожее на его обычный смех, какая-то неестественная натянутость.

– Против этого возражать не могу. Она вольна в своем выборе.

Я украдкой погрозила Мюжгян: дескать, смотри у меня! И сказала:

– Это уж слишком! Ты ведь знаешь, я не люблю подобных разговоров.

Мюжгян зашла за спину Кямрана и подмигнула мне:

– Правда, наедине мы не так говорим...

– Клеветница! Обманщица! – не унималась я.

Кямран оживился:

– Ты должна и мне рассказать, Мюжгян. Я ведь не чужой.

– Ах так! – зло топнула я ногой. – Нет, с вами нельзя разговаривать, не поругавшись. Всего хорошего! – И, разгневанная, зашагала к морю.

* * *

Я шла, и меня не покидало предчувствие, что на этом начатый разговор не кончился. Подойдя к обрыву, я в сердцах принялась швырять в море камни. Наклоняясь к земле, я украдкой посматривала назад. И то, что я видела, никак не успокаивало мое сердце. Кажется, Мюжгян готова была снова меня предать. А как я могла предотвратить это?

Сначала они говорили, посмеиваясь, но потом оба вдруг стали серьезными. Мюжгян что-то чертила на земле зонтиком, словно с трудом подыскивала слова. Кямран стоял рядом неподвижно, как статуя. Затем я увидела, что они обернулись в мою сторону и – о, ужас! – пошли по направлению ко мне.

Мне все стало ясно. В мгновение ока я скатилась кубарем с обрыва на прибрежный песок. Удивляюсь, как при этом я не переломала себе ноги, не искалечилась.

И все-таки это рискованное безумство не спасло меня от них. Обернувшись, я увидела, что они тоже спускаются с обрыва, но в другом, более безопасном месте, осторожно и медленно.

Конечно, припустись я бегом, эти избалованные неженки ни за что не угнались бы за мной, будь они даже на конях. Но я подумала, что мое бегство может меня выдать: они поймут, что я обо всем догадалась или, во всяком случае, заподозрила что-то. Поэтому я продолжала быстро идти вдоль берега, лишь изредка останавливалась и швыряла в море камни, словно хотела показать, что ничем не обеспокоена. Я надеялась, что, обогнув мысок, видневшийся впереди, избавлюсь от своих преследователей, которые, конечно, не пойдут за мной по воде. Но, как назло, утром был отлив, и меж скал пролегалла совершенно сухая дорожка.

План мой несколько изменился. Я решила пройти еще немного песчаным берегом, затем узкой тропинкой подняться опять на обрыв, который в этом месте был так крут, что даже козы с трудом взбирались на него. Таким образом, мои преследователи потеряли бы меня из виду и отказались бы от погони.

Однако не успела я обогнуть мыс, как разыгравшаяся передо мной странная комедия, вернее, трагедия заставила меня забыть обо всем. Старый рыбак, недавно проходивший мимо нас, бежал с веслом в руках за черным уличным псом, который с визгом метался по узкому берегу. И когда старику удавалось настичь собаку, он колотил ее своим орудием по чему попало.

Сначала я подумала, что собака бешеная, и в нерешительности остановилась. Но в следующий момент мне стало ясно, что взбесился не пес, а старый рыбак, который с дикими воплями носился по берегу за своей жертвой.

Не осмеливаясь подойти ближе, я закричала:

– Эй, что тебе надо от бедного животного?

Старик оставил в покое собаку, оперся о весло и, тяжело дыша, ответил плаксивым голосом:

– Как что?.. Окаянный пес перевернул котелок со смолой. Пропали мои тридцать куришей! Но ты не бойся, я не подпущу его к тебе...

Стало ясно, почему старик вышел из себя. Пес опрокинул жестянку со смолой, которая висела над костром, полыхавшим тут же на песке. Проступок ужасный, однако не настолько, чтобы послужить причиной гибели бедного животного от лодочного весла.

Собака забилась в расщелину между скал, видно казавшуюся ей местом безопасным, и жалобно повизгивала, хотя надежнее было бы вырваться из этой западни, не ожидая, когда враг вновь атакует ее. Конечно, уж лучше бы она, спасая свою жизнь, убежала по берегу моря или вскарабкалась на обрыв по тропинке, облюбованной мною.

Будь у меня время, я бы обязательно что-нибудь придумала для спасения бедного животного. Но у каждого своя беда: меня тоже ловили, как эту собачонку. Я вспомнила, что Мюжгян и кузен вот-вот должны появиться из-за мыса.

Пройдя быстрым шагом еще немного по берегу, я начала карабкаться на обрыв. Но, честно говоря, мне совсем не хотелось убегать от Мюжгян и кузена. Я часто останавливалась и поглядывала назад, вернее, вниз.

Очевидно, происшествие у костра заинтересовало и моих преследователей; они оставались возле перевернутого котелка и, отчаянно жестикулируя, говорили что-то старику. Потом я увидела, как Кямран вынул из кармана кошелек и дал рыбаку деньги. И тут случилось нечто странное. Обрадованный рыбак швырнул весло на песок, обернулся к обрыву и замахал мне рукой, подзывая подойти к ним.

Как чудесно: собака была спасена!.. Не обращая внимания на оклики, я направилась к дому. Поступок Мюжгян не выходил у меня из головы. Меня бросало в жар, когда я вспоминала ее предательство. Яростно сжимая кулаки, так что ногти впивались в ладони, я твердила про себя: «Опозорилась!.. Опозорилась!.. Но ничего, Мюжгян, я отомщу тебе!»

Я мчалась с такой скоростью, что, наверно, могла бы за час добежать и до Стамбула. У ворот дома меня встретил дядя Азиз.

– Что за вид, девушка? Ты краснее свеклы... Кто-нибудь гнался за тобой?

Я нервно засмеялась:

– С чего это вы взяли, дядя Азиз? – и кинулась в сад, откуда доносились детские голоса.

В саду за домом на толстой ветке огромного граба висели качели. Иногда я собирала соседских ребятишек и превращала сад в ярмарочную площадь. А сегодня мои маленькие друзья пришли сюда без моего приглашения и сгрудились вокруг качелей.

Ах как кстати!.. Прекрасный случай... А я собиралась, вернувшись домой, убежать к себе и запереться. Ясно было, что Мюжгян и кузен непременно кинутся в мою комнату, попытаются открыть дверь, поднимут переполох. Теперь же я могу спрятаться в толпе ребят или же затеять с ними игру, которая помешает приблизиться ко мне.

Началась свалка, каждому хотелось первым залезть на качели. Мне пришлось вмешаться, я растолкала детвору и приказала:

– Станьте в ряд с двух сторон. Я сама буду вас катать по очереди.

Я залезла на качели, поставила впереди себя какого-то малыша и начала раскачиваться.

Вскоре появились мои преследователи. Мюжгян тяжело дышала и все время хваталась рукой за сердце. Видимо, Кямран порядком заставил ее побегать.

Они встали за толпой ребятишек.

Я подумала про себя: «Так тебе и надо, изменница!» – и стала раскачиваться еще быстрее.

Мальши, ждавшие в сторонке свой очереди, запротестовали:

– Хватит уже... И нас!.. И нас!..

Я не обращала внимания, раскачивалась все сильнее и сильнее. Густая крона граба трепетала у меня над головой.

Мои маленькие приятели, страшно разгневанные, в нетерпении рвались к качелям. Их уже не сдерживала черта, проведенная мною на земле. Мюжгян и кузен оттащивали детишек в сторону, боясь, что качели расшибут им головы. На беду, спасовал малыш, который качался вместе со мной. Он заорал во всю глотку, и я испугалась, что карапуз отпустит веревки, упадет и разобьется.

Волей-неволей пришлось остановить качели. Я напустилась на малыша, отчитала его, говоря, что трусишке, который боится такой маленькой скорости, делать на качелях нечего, что таким лучше качаться дома в люльках своих младших братьев и сестер. Я говорила еще что-то. Этот поток брани предназначался лишь для того, чтобы не дать Кямрану заговорить

со мной. К счастью, другие ребята тоже вопили что было мочи; в общем, сад превратился в преисподнюю:

- И меня, Феридэ-абла!.. И меня!.. Меня тоже!..
- Нет, не возьму никого! Вы все боитесь!..
- Не боимся, Феридэ-абла!.. Не боимся!.. Не боимся!..

Тут из окна раздался голос тетки:

- Феридэ, дорогая, да покатай ты их всех...

Я повернулась к дому и пустилась в длинный спор:

- Тетя, сейчас вы так говорите, а если кто-нибудь упадет и сломает голову, я же буду виновата...

- Дочь моя, не обязательно, чтобы дети ломали себе головы. Качайся потихоньку...

- Тетя, прошу вас, не говорите того, чего не понимаете. Разве вы не знаете Чалькушу?

Разве можно на меня надеяться? Я всегда начинаю тихо, осторожно, а когда качели раскачаются, шайтан подбивает меня: «Ну, ну, сильнее!.. Еще сильнее!..» Я отвечаю ему: «Не надо, оставь... Возле меня дети!» Но шайтан не унимается: «Ну еще, еще чуточку... Ничего не случится...» Ветки деревьев и листья тоже подхватывают: «Быстрее, Феридэ, быстрее!..» Подумайте, как может противостоять бедная Чалькушу такому подстрекательству?

И тут мое красноречие иссякло. Я не смотрела назад, но чувствовала: за моей спиной стоит Кямран, и, стоит мне только замолчать, он заговорит.

Что же делать? Как убежать, чтобы не столкнуться с ним?

Вдруг смотрю, за мой подол цепляются чьи-то ручонки. Это самый маленький из моих гостей, семивосьмилетний карапуз. Я подхватила его под мышки, подняла вверх и сказала:

– Не обижайся, ничего не выйдет. Мы ведь можем разбить в кровь эти пухленькие щечки...

За спиной мальчугана появляется чья-то тень... Кямран. Как только я опущу малыша на землю, мы столкнемся с ним лицом к лицу.

Итак, спасения нет. Убежать испугавшись мне не позволит гордость. Поэтому, опустив малыша на землю, я повернулась и устремила взгляд на кузена.

– Ступай, мальчуган, иди к братцу Кямрану. Он нежный и изящный, как девушка, и качать тебя будет осторожно, как нянька. Только смотри не шевелись на качелях, а то его слабые ручки не удержат тебя, и вы оба грохнетесь на землю.

Я пристально смотрела в глаза Кямрану, ожидая, что он не выдержит поединка и отвернется. Но все было напрасно. Он отвечал мне таким же пристальным взглядом, точно хотел сказать: «Напрасно стараешься, я все знаю!..»

И тут я поняла, что партия проиграна. Я потупила голову и принялась вытирать платком свои грязные руки.

– Развлекаетесь, шалунья, не так ли?.. Ну что ж, сейчас мы посмотрим... Покатаемся вместе!..

Ловким движением он швырнул куртку Мюжгян.

– Эй, Кямран! – раздался голос тетки из окна. – Не будь ребенком! Ты не справишься с этим чудовищем. Она сломает тебе шею!

Ребятишки почувствовали, что сейчас будет нечто забавное, и отступили назад. Мы остались вдвоем у качелей.

– Ну чего ждешь, Феридэ? – улыбнулся кузен. – Может, боишься?

– Этого еще не хватало! – ответила я, не осмеливаясь, однако, смотреть ему в лицо, и вскочила на качели.

Веревки закрипели, качели плавно двинулись.

Я старалась быть осторожной и, раскачиваясь, только чуть-чуть сгибала колени, сохраняя силы в этом состязании, которое, как я предвидела, будет нелегким.

Скорость нарастала. Дерево сотрясилось, листва трепетала. Мы молчали, стиснув зубы, словно одно только слово уже могло отнять у нас силы.

Опьянение от быстрого движения постепенно охватывало меня, сознание затуманивалось.

На миг голова Кямрана скрылась в густой листве граба. Его длинные волосы рассыпались и закрыли лицо.

– Ну как, вы не начали раскаиваться? – спросила я насмешливо.

– Увидим, кто еще раскается! – так же насмешливо отозвался Кямран.

Взгляд его зеленых глаз, сверкавший из-под растрепанных волос, порождал в моем сердце чувство ненависти, даже жестокости. Я сделала сильный толчок, и качели помчались еще быстрее. Теперь при каждом взлете наши лохматые головы исчезали в листве. Как во сне до меня донесся теткин крик:

– Хватит!.. Хватит!

Кямран повторил:

– Хватит, Феридэ?

– Это надо спросить у вас, – ответила я.

– Для меня нет! После чудесного известия, услышанного от Мюжгян, я никогда не устану. Колени мои вдруг ослабли, и я испугалась, что веревки выскользнут из рук.

– Мог ли я надеяться, Феридэ... – продолжал Кямран. – Ведь я приехал сюда из-за тебя.

Я уже не отталкивалась, но качели по-прежнему взлетали с бешеной скоростью. Обняв веревки, я сомкнула кисти рук и взмолилась:

– Довольно!.. Слезем... Я упаду...

Кямран не поверил, что мне стало плохо.

– Нет, Феридэ, – сказал он, – или мы вместе упадем и разобьемся, или я услышу из твоих уст согласие выйти за меня.

Губы Кямрана касались моих волос, моих глаз. У меня подкосились колени. Рук я не разжала, но они соскользнули вниз по веревкам. Не подхвати меня Кямран в этот момент, я бы обязательно упала. Но у него не хватило сил удержать меня. Веревки качелей перекрутились. Мы потеряли равновесие и полетели на землю.

Открыв глаза, я увидела себя в объятиях тетки. Она прикладывала мокрый платок к моим вискам и спрашивала:

– У тебя что-нибудь болит, девочка моя?

Я подняла голову:

– Нет, тетя...

– Почему же ты плачешь?

– Разве я плачу?

– У тебя на глазах слезы.

Я прижалась лицом к тетиной груди и сказала:

– Наверно, я заплакала еще перед тем, как упасть.

* * *

Через три дня мы все вместе (к нам присоединились тетя Айше и Мюжгян) возвращались в Стамбул. Тетушка Бесимэ, узнав об этом из письма сына, примчалась на Галатскую пристань вместе с Неджмие встречать нас.

В первое время после нашего обручения я всех избегала, и прежде всего Кямрана. А он все стремился остаться со мной наедине, погулять, поговорить. Думаю, что, как и всякий жених, он имел на это право. Но что делать, коль я была самой неопытной и самой дикой

невестой, какие только бывают на свете. Стоило мне увидеть, что Кямран направляется в мою сторону, как я, точно испуганная серна, стремглав бросалась наутек.

Через Мюжгян был послан ультиматум: Кямрану запрещалось при встречах обращаться со мной как с невестой. В противном случае я поклялась расторгнуть наше соглашение.

Иногда Мюжгян, как и в Текирдаге, приставала ко мне с расспросами, когда я уже была в постели:

– Зачем ты совершаешь эти безумства, Феридэ? Я ведь знаю, ты его любишь до смерти. Это же ваше самое чудесное время. Кто знает, какие прекрасные слова для тебя живут в его сердце?

Порой Мюжгян не ограничивалась только этим, а гладила своими хрупкими руками мои волосы и передавала слова Кямрана.

Съездившись в постели, я протестовала:

– Не хочу... Я боюсь... Мне стыдно...

Странно, не правда ли? Я ныла, не в силах отвязаться от Мюжгян, а когда она уж слишком приставала, начинала плакать.

Но когда Мюжгян отправлялась спать, оставив меня в покое, я повторяла про себя слова Кямрана и засыпала под их мелодию.

Тетка заказала в Стамбуле для меня дорогое обручальное кольцо с красивым драгоценным камнем, которое никак не шло к моим израненным пальцам.

Когда заказ был готов и привезен домой, тетка, желая сделать приятный сюрприз, позвала меня к окну. Кольцо ослепительно засверкало в лучах солнца, которое вот-вот должно было скрыться за деревьями сада. Я зажмурилась на миг, сделала шаг назад, спрятала руки за спину и, чувствуя, что краснею, спряталась в тени портьеры.

Тетка не поняла меня и, кажется, удивилась, почему я от радости не кинулась ей на шею.

– Может, тебе не нравится, Феридэ? – спросила она.

– Очень красивое... Мерси, тетя, – сказала я холодно.

Кажется, мое поведение пришлось тетке не по душе. Однако вскоре она снова улыбнулась и сказала:

– Дай-ка руку, попробуем. Я заказала его по твоему старому колечку. Надеюсь, мало не будет.

Я стиснула за спиной пальцы, словно боялась, что тетка насильно будет тянуть меня за руку.

– Только не сейчас, тетя... Ни в коем случае...

– Не будь ребенком, Феридэ.

Я упрямо потупила голову и принялась рассматривать кончики ботинок.

– Через несколько дней мы устроим для наших родных небольшой прием, обручим вас...

Сердце мое бешено заколотилось.

– Нет, не хочу, – сказала я. – Если вы считаете, что это нужно обязательно, устройте прием после моего отъезда в пансион...

Меня следовало, конечно, отчитать. Тетка хотела, чтобы последнее слово все-таки осталось за ней. Она улыбнулась, поджала губы и сказала с иронией:

– То есть как это?... Может, нам на церемонии обручения вместо тебя поставить заместителя? При бракосочетании – пожалуйста, но при обручении, дочь моя, такого обычая пока еще нет.

Мне нечего было ответить, и я продолжала смотреть в пол.

Чтобы как-то смягчить горечь назиданий, которые мне предстояло сейчас выслушать, тетка обняла меня и погладила по лицу.

– Феридэ, – сказала она, – мне кажется, уже настало время прекратить ребячество. Теперь я не только твоя тетка, но и мать. Думаю, нет надобности говорить, что я этому очень рада.

Не так ли? Лучшей невесты Кямрану не сыщешь. Что хорошего, если б это была какая-нибудь чужая девушка? Ни характера не знаешь, ни семьи ее... Только... Слишком уж ты легкомысленна. В детстве, может быть, это не так страшно. Но с каждым днем ты становишься все более взрослой. Конечно, со временем станешь серьезнее, поумнеешь. До окончания пансиона, то есть до вашей женитьбы, остается еще четыре года. Срок довольно большой. Однако ты уже невеста. Не знаю, понимаешь ли ты, что я хочу сказать? Ты должна быть серьезной и рассудительной. Пора положить конец всем твоим шалостям, легкомыслию, упрямству. Тебе ведь известно, какой Кямран деликатный и тонкий.

Сейчас я не знаю, было ли в этой нотации, которая слово в слово запечатлелась в моей памяти, что-либо стыдное и оскорбительное, но тогда мне вдруг показалось, что тетка считает меня не вполне подходящей парой для своего драгоценного сына.

Точно желая проверить, насколько на меня подействовали ее наставления, она спросила:

– Ну, теперь мы договорились, Феридэ? Не так ли? Мы устроим ужин по случаю обручения только для родственников и нескольких близких друзей.

Я представила себя рядом с Кямраном за столом, украшенным цветами и канделябрами, в наряде, которого до сих пор не носила, с новой прической и чужим лицом; взоры всех устремлены на меня...

Я вдруг задрожала:

– Нет, тетя, это невозможно! – и бросилась вон из комнаты.

Мюжгян в те дни была для меня больше чем старшая сестра, она, можно сказать, заменяла мне мать. Когда ночью мы оставались с ней одни в нашей комнате, я тушила лампу, обнимала руками ее удивительно худенькое тело (как она извелась за это время!), зажимала ей рот рукой, чтобы она молчала, и умоляла:

– Попроси, пусть меня никто не называет невестой. Обрученные девушки – это те, над которыми я всегда насмеялась, которых жалела больше всего в жизни. И вот теперь я одна из них. Мне стыдно, я готова провалиться сквозь землю. Я боюсь. Я ведь девочка. Впереди четыре года. К этому времени я подрасту, привыкну. Но сейчас пусть ко мне никто не относится как к невесте.

Получив наконец возможность говорить, Мюжгян отвечала:

– Хорошо, но с одним условием, вернее, с двумя. Во-первых, ты не станешь со мной сражаться, душить меня. Во-вторых, ты еще раз повторишь мне, только мне, что ты его очень любишь.

Я прятала свое лицо на груди у Мюжгян и кивала: да, да, да...

Мюжгян сдержала свое обещание. Домашние и знакомые не говорили мне в лицо о моем обручении. А если вдруг случалось, что кто-нибудь начинал надо мной подшучивать, то тут же получал за болтовню по заслугам и умолкал. Но один человек все-таки получил от меня пощечину; к счастью, это был родственник, мой кузен собственной персоной. Мне кажется, оплеуха была заслуженная. Не дай Аллах, если бы об этом узнала тетка Бесимэ... Что бы она со мной сделала!

И все-таки надо сказать, жилось мне в особняке совсем не спокойно.

Так как положение мое возвысилось, в один прекрасный день мне вдруг отвели более красивую комнату, заменили занавеси, кровать, гардероб. И конечно, я не смела спросить о причине подобного внимания.

Однажды нам предстояло поехать в экипаже на свадьбу в Мердивенкею. Народу набралось довольно много, и я заявила:

– Сяду с кучером.

В ответ раздался хохот. Я покраснела и покорно полезла в экипаж.

Иногда, как и прежде, я ходила на кухню, чтобы стащить там горсть сушеных абрикосов или какие-нибудь фрукты. Противный повар подтрунивал надо мной:

– Что тебе надо, ханым? Скажи прямо. Тебе уже не подобает заниматься воровством.

Хотя мне никто ничего не говорил, но я уже не смела зазывать к себе в гости ребят с улицы. А чтобы в кои-то веки раз залезть на дерево, мне приходилось прятаться ото всех, дожидаясь темноты.

Но самым несносным был, конечно, Кямран.

Последние дни моего пребывания в особняке прошли, можно сказать, в том, что мы играли в прятки. Кузен искал случая поймать меня наедине, а я всю свою хитрость употребляла на то, чтобы помешать ему это сделать.

Я часто отказывалась от прогулок в экипаже, которые он мне предлагал. Если же он бывал слишком настойчив, я тащила с собой, помимо Мюжгян, еще кого-нибудь и по дороге без конца болтала именно с ними.

Я не была уверена в Мюжгян: она могла начать какой-нибудь ненужный разговор или даже сбежать, оставив нас наедине.

Однажды Кямран сказал мне:

– Тебе известно, Феридэ, что ты делаешь меня несчастным?

Я не выдержала и спросила:

– Это теперь-то?

Вопрос был задан с таким комическим изумлением, что мы оба рассмеялись.

– Я бы хотел хоть раз от тебя услышать то, что ты говорила Мюжгян. Мне кажется, это мое право.

Я закатила глаза, притворившись, будто не могу вспомнить, о чем говорила с Мюжгян, подумала и сказала:

– Так. Но ведь Мюжгян девушка... И, если не ошибаюсь, ваша послушная раба. Нельзя каждому говорить все, о чем мы с ней болтаем.

– Разве я каждый?..

– Не поймите неверно... Хотя вы мужчина женского типа, но все-таки вы мужчина! А то, что говорится подружке, мужчине не расскажешь.

– Разве я не твой жених?

– Очевидно, мы расторгнем обручение. Вы ведь знаете, я терпеть не могу этого слова!

– Вот видишь, я был прав, назвав себя несчастным. Я даже не смею слова сказать, боюсь опять получить пощечину. Но в моем сердце живет чувство, которого я не ощущаю ни к кому, кроме тебя...

И тут я поняла, что вот-вот окажусь в западне, которой так умело избегала столько времени. Продолжи я разговор и дальше, у меня бы начал дрожать голос или я совершила бы какое-нибудь страшное безумство. Не дав Кямрану договорить, я бросилась вон на улицу.

Мне казалось, он побежит за мной. Но погони не последовало. Я замедлила шаг и обернулась. Кямран не побежал за мной, он сидел на плетеном диванчике под деревом. Я подумала: «Наверно, нехорошо с моей стороны так поступать...» И если бы Кямран взглянул на меня в ту минуту, он понял бы, что я раскаиваюсь, и, наверно, догнал, и тогда уже я не смогла бы от него убежать...

Кузен сидел на диванчике действительно с видом несчастного человека. Чтобы подбодрить себя, я сказала: «Коварный, желтый скорпион! Я еще не забыла, как ты бежал по этому саду за юбкой счастливой вдовушки! Я все делаю очень правильно!»

Не могу не рассказать также о несчастье, которое приключилось со мной в последние дни каникул.

Обитатели особняка заметили вдруг, что один палец на правой руке у меня обмотан толстой повязкой. Тем, кто спрашивал меня, я отвечала:

– Пустяки. Обрезала чуть-чуть. До свадьбы заживет.

Однако тетка обратила внимание, что я упорно не желаю показать ей рану.

– Несомненно, ты что-то натворила. Ясно, у тебя что-то серьезное, раз ты скрываешь. Давай покажем врачу. Не дай Аллах, разболится...

А случилось вот что. Однажды тетка послала меня к себе в спальню достать из гардероба, кажется, платок. Один из ящиков был приоткрыт, и в глаза мне бросилась изящная коробочка, обтянутая голубым бархатом. В ней лежало мое обручальное кольцо. Я не смогла побороть искушение полюбоваться им хотя бы минутку у себя на пальце. Дорого же мне обошелся этот каприз! Как и опасалась тетушка, кольцо оказалось слишком мало и никак не хотело слезать с пальца. Ах, как я волновалась, тщетно пытаюсь освободиться от него! Я даже пробовала стаскивать его зубами. Напрасный труд! И как я ни старалась, палец только распухал, и кольцо все сильнее впивалось в кожу.

Если бы я призналась, родные сумели бы как-нибудь высвободить мой палец. Но чтобы меня увидели с обручальным кольцом? Какой удар по самолюбию! Тогда-то мне и пришло в голову забинтовать его. В течение двух дней при всяком удобном случае я запиралась в своей комнате, разбинтовывала палец и часами стаскивала кольцо. На третий день, когда я уже была близка к тому, чтобы, сгорая от стыда, признаться во всем тетке, кольцо вдруг само соскочило. Почему? Очевидно, за эти два дня я похудела от волнений и переживаний.

В последний день каникул я начала собираться в дорогу.

Кямран запротестовал:

– Зачем так торопиться, Феридэ? Ты могла бы еще задержаться на несколько дней.

Но я не соглашалась, точно была самой прилежной ученицей, и заупрямилась, придумывая какие-то подетски несерьезные причины:

– Сестры наказывали, чтобы я непременно явилась в первый же день занятий. В этом году с посещением будет очень строго.

Моя решительность послужила причиной нового приступа меланхолии и раздражительности у Кямрана.

На следующий день, провожая меня в пансион, он не разговаривал со мной и только при расставании упрекнул:

– Я никак не думал, Феридэ, что тебе захочется так быстро убежать от меня.

* * *

Между тем я не была такой уж прилежной и разумной ученицей. Вдобавок события последних месяцев совсем выбили меня из колеи. Отметки за первую четверть оказались очень плохие. Ясно было, что, если я не возьму себя в руки, не приложу усилий, мне придется остаться на второй год.

Вечером того дня, когда мы получили табели успеваемости, сестра Алекси отозвала меня в сторону и спросила:

– Ну, нравятся вам ваши отметки, Феридэ?

Я удрученно покачала головой:

– Отметки неважные.

– Не то что неважные, совсем никудышные... Не помню, чтобы вы еще когда-нибудь так отставали. Между тем я надеялась, что в этом году вы будете учиться совсем по-другому...

– Вы правы. Ведь по сравнению с прошлым годом я стала старше еще на один год...

– Разве только это?..

Удивительная вещь, сестра Алекси гладила меня по щеке и многозначительно улыбалась. Я растерялась и отвела взгляд в сторону.

Ах эти сестры! Казалось, они не знают ни о чем на свете, а в действительности были в курсе всего, что происходит вокруг, им были известны даже самые пустяковые разговоры. От кого? Как они все узнавали? Этого я никогда не могла понять, хотя прожила среди них десять лет и не считалась такой уж глупой девочкой.

Когда я, пытаюсь спасти свою честь, промямлила какую-то чепуху, сестра Алекси разоткровенничалась еще больше:

– Мне кажется, вы постесняетесь показать свой табель всем... А?.. – И вслед за этим еще один увесистый камень в мой огород: – Если вы не перейдете в следующий класс, то вам угрожает опасность задержаться в стенах пансиона еще на один долгий год...

Я поняла, что не спасусь от сестры Алекси, если сама не перейду в атаку.

Призвав на помощь все свое нахальство, я спросила с ложным простодушием:

– Опасность?! Какая же опасность?

Но сестра Алекси и так позволила себе чрезмерную откровенность. Пойти дальше – означало быть фамиллярной. Кокетливым жестом, признавая свое поражение, она ласково щелкнула меня по щеке и сказала:

– Уж это ты сама должна сообразить! – и пошла прочь.

В этом году моей Мишель уже не было в пансионе, не то она обязательно заставила бы меня разоткровенничаться и тем самым внесла бы еще большее смятение и растерянность в мою душу.

Год назад, когда я плела подружкам всякие небылицы, я чувствовала себя непринужденно и легко. А сейчас, очутившись на положении невесты, стала невероятной трусихой. От девочек, которые поздравляли меня, я старалась отделаться короткой сухой благодарностью, а тех, кто подлизывался ко мне, вообще не замечала. Только одна подружка, дочь доктора-армянина из Козъятагы, пользовалась моим расположением и доверием.

Свободные дни я проводила в пансионе и за три месяца всего лишь два или три раза ночевала дома. Это упрямство, причину которого я сама хорошо не понимала, страшно сердило тетюшку Бесимэ и Неджмие. Кямран пребывал в полной растерянности и не знал, что и думать.

Первые месяцы он каждую неделю навещался в пансион. Хотя сестры не осмеливались открыто возражать против этих визитов, однако в душе они считали подобные встречи жениха с невестой-школьницей неприличными и морщились, сообщая мне о том, что кузен ждет в прихожей.

Обычно я останавливалась на пороге, нарочно оставляя двери открытыми, и, сунув руки за кожаный поясок своего школьного платья, стоя разговаривала с Кямраном минут пять. Еще в самом начале кузен предложил мне завязать переписку. Но я отказалась, сославшись на обычай сестер давать подобную корреспонденцию на цензуру кому-нибудь знающему турецкий язык, а затем уничтожать.

Как-то раз, в один из таких визитов, между нами произошел не совсем приятный разговор. Кямран рассердился, что я стою так далеко от него, и хотел насильно закрыть дверь. Но, когда он приблизился ко мне, я приготовилась выскочить из комнаты и тихо сказала:

– Прошу вас, Кямран... Вы должны знать, что за нами подсматривают столько глаз, сколько невидимых щелей в этих стенах.

Кямран вдруг остановился.

– Как же так, Феридэ? Ведь мы обручены...

Я пожала плечами:

– В том-то и дело. Это и мешает. Или вы хотите в один прекрасный день услышать такие слова: «Ваши визиты слишком участились... Простите, но вам надо вспомнить, что это пансион...»

Кямран стал бледным как стена. С тех пор он больше не появлялся в пансионе. Я обошлась с ним жестоко, но другого выхода у меня не было. Возвращаться в класс после свидания с Кямраном, видеть, как к тебе поворачиваются все головы, было просто невыносимо.

О чем я хотела рассказать?.. Да. Однажды дочь вышеупомянутого доктора-армянина, вернувшись в пансион после воскресенья, сказала мне:

– Говорят, Кямран-бей едет в Европу. Это верно?

Я растерялась:

– Откуда ты узнала?

– Папа сказал, что твоего кузена вызвал дядя, который служит в Мадриде...

Самолюбие не позволило мне сознаться, что я ничего не знаю.

– Да... Есть такое предположение... – соврала я. – Маленькое путешествие.

– Совсем не маленькое. Ему предстоит работать секретарем посольства.

– Он там пробудет недолго...

На этом разговор окончился.

Отец моей подруги часто бывал у нас в доме и считался семейным врачом. Поэтому полученному известию следовало верить. Но почему же мне никто ничего об этом не говорил? Я подсчитала: вот уже двадцать дней, как ничего не было из дому.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Мне было очень стыдно, что я без конца держала Кямрана в бессмысленном отдалении, но в то же время сердилась на него в душе за то, что он не сообщил мне о таком важном событии. Ведь в конце концов, мы связаны друг с другом.

На следующий день был четверг. Погода стояла ясная. После обеда предполагалась прогулка. Я не могла найти себе места. Меня пугала мысль провести еще одну ночь наедине со своими мыслями. Я пошла к директрисе и попросила отпустить меня домой, сославшись на болезнь тетки. На мое счастье, одна из сестер ехала в тот день в Картал. Директриса согласилась, но с условием, что до станции Эренкей мы поедem вместе.

Когда с маленьким чемоданчиком в руках я добралась до нашего особняка, уже смеркалось. В воротах меня встретил старый дворовый пес, существо хитрое и льстивое. Ему было известно, что в моем чемоданчике всегда есть чем полакомиться. Он мешал мне идти, вертелся под ногами, пяtilся, вставал на задние лапы, норовя ткнуться мордой в грудь.

Из-за деревьев вышел Кямран и направился в нашу сторону. Увидев это, я присела на корточки и схватила пса за передние лапы, боясь, что он меня измажет.

Словно смеясь, пес открывал свою огромную пасть, высовывал язык. Я хватала его за нос. Словом, мы резвились и развлекались, как могли.

Когда Кямран был совсем рядом, я сказала, будто совершила открытие:

– Посмотрите, как он смеется! Что за огромная пасть! Разве он не похож на крокодила?

Кямран смотрел на меня, горько улыбаясь.

Я поднялась с земли, отряхнулась, вытерла руки платком и правую протянула кузену.

– Бонжур, Кямран. Как самочувствие тети? Я надеюсь, ничего серьезного...

Кямран удивился:

– Ты про маму? С ней все в порядке. Тебе сказали, что больна?

– Да, я услышала, что она заболела, и очень волновалась. Даже не дождалась воскресенья.

И вот приехала.

– Кто же тебе такое сказал?

Придумывать новую ложь не было времени.

– Дочь доктора.

– Она?! Тебе?..

– Да, мы с ней говорили, и она сказала: «К вам вызывали папу... Наверно, твоя тетя заболела...»

Кямран недоумевал:

– Она, наверно, ошиблась. Доктор вообще не заезжал к нам в последние дни. Ни к маме, ни к кому-нибудь другому...

Не желая заострять внимание на этом деликатном вопросе, я сказала:

– Очень рада... А то я так беспокоилась! Наши, конечно, все дома?

Я подняла с земли свой чемоданчик и направилась уже к дому, но Кямран схватил меня за руку:

– Зачем так спешить, Феридэ? Можно подумать, ты убегаешь от меня.

– С чего вы это взяли? Просто мне боты жмут. Да и разве мы не вместе пойдем к дому?

– Да, но дома нам придется разговаривать при всех. А я хочу поговорить с тобой один на один.

Стараясь скрыть волнение, я сказала насмешливо:

– Воля ваша.

– Мерси. Тогда, если хочешь, не будем никому показываться и немного погуляем в саду.

Кямран крепко сжимал мои пальцы, словно боялся, что я убегу. В другой руке он держал мой чемоданчик. Мы пошли рядом, впервые с тех пор, как обручились.

Сердечко мое стучало, как у только что пойманной птицы. Но, мне кажется, если бы он даже не держал меня так крепко, я все равно не нашла бы в себе сил убежать.

Не обмолвившись ни словом, мы дошли до конца сада. Кямран был огорчен и расстроен больше, чем я могла предполагать. Не знаю, что произошло, что изменилось в наших отношениях за последние три месяца, но в эту минуту я чувствовала себя страшно виноватой за резкость, с которой относилась к нему в последнее время.

Вечер был прекрасный, тихий, даже не верилось, что это середина зимы. Голые верхушки окрестных гор горели ярким багрянцем. Не знаю, может, природа тоже была виновата в том, что я так легко признала в душе свою вину перед Кямраном.

Сейчас мне непременно нужно было сказать Кямрану что-нибудь такое, что бы его обрадовало. Но мне ничего не приходило в голову.

Наконец, когда нам уже не оставалось ничего другого, как повернуть назад, Кямран сказал:

– Может, посидим немного, Феридэ?

– Как хочешь, – ответила я.

Впервые после обручения я обращалась к нему на «ты».

Не заботясь о своих брюках, Кямран сел на большой камень. Я тотчас схватила его за руку и подняла:

– Ты ведь неженка. Не садись на голый камень. – И, стащив с себя синее пальто, я расстелила его на земле.

Кямран не верил своим глазам:

– Что ты делаешь, Феридэ?

– Мне кажется, охранять тебя от болезней – теперь моя обязанность.

А на этот раз, наверно, кузен не поверил уже своим ушам.

– Что я слышу, Феридэ? – воскликнул он. – И это ты говоришь мне? Ведь это самые ласковые слова, которые я услышал от тебя с тех пор, как мы обручены.

Я опустила голову и замолчала...

Кямран поднял с земли мое пальто и, как бы лаская, трогал рукава, воротник, пуговицы.

– Я собирался сделать тебе выговор, Феридэ, но сейчас все забыл.

Не поднимая глаз, я ответила:

– Я же тебе ничего не сделала...

Кямран не решался подойти ко мне, боясь, что я снова стану дикой.

– Думаю, что сделала, Феридэ... Даже слишком много. Можно ли так избегать жениха? И я даже стал подозревать: уж не ошиблась ли Мюжгян?..

Я невольно улыбнулась. Кямран удивленно спросил, почему я смеюсь. Сначала я не хотела отвечать, но он настаивал.

– Если бы Мюжгян ошиблась, – сказала я, отводя глаза в сторону, – ничего бы не было.

– Что значит «ничего»? То есть ты не была бы моей невестой?

Я зажмурилась и дважды кивнула.

– Моя Феридэ!..

Этот голос, вернее, восклицание до сих пор звенит у меня в ушах... Я подняла голову и увидела в его широко раскрытых глазах две крупные слезы.

– В один миг ты сделала меня счастливым, таким счастливым, что, умирая, я вспомню эту минуту и снова заплачу. Не смотри на меня так. Ты еще ребенок. Тебе не понять... Ах, я все уже забыл!..

Кямран схватил меня за руки. Я не стала вырываться. Но слезы брызнули у меня из глаз. Я так рыдала, что он даже испугался.

Мы возвращались назад той же дорогой. Я без конца вздыхала, громко всхлипывала, и Кямран уже не смел дотрагиваться до меня. Но я понимала, что сердце его успокоилось, и мне было радостно.

У дома я сказала:

– Ты должен пойти первым. А я умоюсь у бассейна. Что скажут наши, если увидят меня с таким лицом?

Я спросила Кямрана, словно только что вспомнила:

– Ты, кажется, собираешься в Европу? Верно ли?

– Есть такое предположение, но, откровенно говоря, оно принадлежит не мне, а моему дяде, который служит в Мадриде. Откуда тебе известно?

После некоторого замешательства я пробормотала:

– От дочери доктора.

– Как много новостей передает тебе дочь доктора, Феридэ!

Я ничего не ответила.

Кямран пристально смотрел мне в лицо. Я покраснела и отвернулась.

– Ну а болезнь мамы?.. Ты это придумала?

Я опять промолчала.

– Скажи правду, Феридэ, не поэтому ли ты прискакала?

Кямран приблизился, хотел погладить меня по голове, но испугался, что я снова стану строптивой и наши отношения испортятся. Я же, напротив, уже начала привыкать к нему.

– Верно ли мое предположение, Феридэ? – повторил Кямран свой вопрос.

Я почувствовала, что могу сделать его счастливым, и утвердительно кивнула.

– Как чудесно!.. Как со вчерашнего дня изменилась моя судьба!

Кямран уперся руками о спинку кресла, на котором я сидела, и склонился надо мной. В таком положении я оказалась окруженной со всех сторон. Ловкий прием!.. Он приблизился ко мне, не касаясь руками. Я забила в кресло, свернувшись ежиком, прижималась к спинке, втягивала голову в плечи. В руках я тискала платок, не смея взглянуть в лицо Кямрана.

– Что же предлагает твой дядя?

– Немыслимое дело. Он хочет взять меня к себе секретарем посольства. По его мнению, мужчине быть без определенной профессии или должности – большой недостаток. Я, конечно, передаю его слова. Он говорит: «Может, и Феридэ обрадуется перспективе поехать в будущем в Европу в качестве супруги дипломата...» И все такое прочее.

После того как наша беседа приняла серьезный характер, Кямран снял осаду, выпрямился, и я тотчас вскочила с кресла.

Разговор продолжался.

– Почему ты считаешь это предложение немислимым делом? – спросила я. – Разве поездка в Европу не доставит тебе удовольствия?

– В этом отношении я ничего не говорю. Но сейчас я уже не волен свободно распоряжаться собой. Все, что имеет отношение к моей жизни, мы должны обсуждать вместе. Разве не так?

– Тогда ты можешь ехать.

– Значит, ты согласна на мой отъезд из Стамбула?

– Раз для мужчины нужна какая-нибудь профессия...

– А ты поехала бы на моем месте?

– Наверно, поехала бы. И думаю, ты тоже должен так поступить.

Надо сказать, что эти слова говорили только мои губы. А про себя, в душе, я думала совсем по-другому. За мной нельзя было не признать права на такой ответ. Как иначе ответить человеку, который спрашивает: «Могу ли я оставить тебя и уехать?»

Кямрана огорчило, что я так легко согласилась на разлуку. Не глядя на меня, он сделал несколько шагов по комнате, затем обернулся и повторил:

– Значит, ты считаешь, мне надо принять дядино предложение?

– Да...

Кямран вздохнул:

– Тогда мы подумаем. У нас еще есть время для окончательного решения.

Сердце у меня дрогнуло. Разве это «мы подумаем» не означало, что вопрос уже решен?

Я заговорила серьезно, по-взрослому, как всегда требовали от меня:

– Не вижу в этом деле ничего заслуживающего долгих размышлений. Предложение твоего дяди поистине заманчиво. Непродолжительное путешествие – вещь неплохая.

– Ты думаешь, поездка продлится так недолго?

– Но долгой ее тоже нельзя назвать. Год, два, три, ну четыре... Время пролетит – глазом не успеешь моргнуть. Конечно, ты иногда будешь приезжать...

Я так легко считала по пальцам: один, два, три, четыре...

* * *

Через месяц мы провожали Кямрана. Пароход отходил от Галатской пристани. Все наши родственники поздравляли меня, так как это я уговорила его поехать в Европу. Только Мюжгян осталась недовольна. Она мне прислала из Текирдага письмо, в котором писала: «Ты поступила очень опрометчиво, Феридэ. Надо было воспрепятствовать поездке. Какой смысл в том, что ваши самые прекрасные годы пройдут в разлуке? Шутка ли: четыре года!»

Однако четыре года прошли гораздо быстрее, чем ожидала Мюжгян.

Кямран вернулся в Стамбул вместе с дядей, вышедшим в отставку, как раз через месяц после того, как я окончила пансион.

Окончить пансион! Когда я училась, то называла это мрачное здание «голубятником». Я говорила: «День, когда я вернусь на волю хоть с каким-нибудь дипломом в руках, будет для меня праздником освобождения!..» Но когда в одно прекрасное утро двери «голубятника» распахнулись и я очутилась на улице в новом черном чаршафе, в туфельках на высоких каблуках, которые делали меня гораздо выше, я растерялась, словно не понимая, что произошло. А тут еще тетка Бесимэ сразу же начала готовиться к свадьбе. Это окончательно лишило меня душевного равновесия.

В доме у нас до поздней ночи было полно народу: сновали маляры, плотники, портнихи, съехавшиеся родственники. Каждый был занят своим делом. Одни уже строчили приглашения на свадьбу, другие бегали по базарам и магазинам, третьи занимались шитьем.

Я пребывала в крайней растерянности и на все махнула рукой. Я не только не помогала другим, но даже творила всякие глупости и мешала всем. У меня начался очередной приступ всевозможных безумств. Как и прежде, я водила за собой ватагу детей, гостивших у нас, переворачивала все в доме вверх дном.

На кухне тоже шел ремонт. Новый повар перетащил все свое хозяйство в палатку, поставленную за домом в саду, и стряпал прямо на открытом воздухе.

Однажды под вечер я увидела, что он хлопочет возле своей палатки, печет печенье. У меня в голове тотчас созрел дьявольский план.

– Ребята, – сказала я, – спрячьтесь за этим курятником и сидите тихо. Я стащу у повара печенье и принесу вам.

Не прошло и пяти минут, как я вернулась с полной тарелкой. Надо было тут же раздать трофеи моим маленьким друзьям, разослать их по разным уголкам сада, а тарелку спрятать в курятнике. Я не предполагала, что повар, обнаружив пропажу, кинется в погоню.

Через минуту у кухонной палатки началось светопреставление. Повар кричал:

– Клянусь Аллахом, клянусь всеми святыми, я переломаю воришке кости!

Перепуганные малыши, не обращая на меня внимания, заметались по саду. Повар скоро напал на наш след и, как безумный, ринулся на нас, потрясая половником, словно дубинкой.

Этот негодный понял, что я самая старшая, оставил в покое малышей и погнался за мной. Вдруг он споткнулся обо что-то и растянулся во весь рост на земле. Это привело его в еще большую ярость.

Повар был в доме человеком новым. Положение складывалось весьма трагически: попади я ему в руки, он огрел бы меня раза два половником, опозорил на весь свет, и тогда пойдешь объясняй, что я невеста.

Так как дорога к дому была отрезана, я, оглушительно крича, бросилась к воротам. На мое счастье, мадемуазель портниха, работавшая в тот день с самого утра, и ее подручная Дильбер вышли в сад подышать свежим воздухом. С воплем «Караул!» я кинулась к портнихе и быстро юркнула за ее спину.

Дильбер-калфа¹⁸ попыталась выхватить у повара половник и закричала:

– Что ты делаешь, ашчи-баши!¹⁹ Спятил, что ли?! Ведь эта ханым – невеста.

В другое время за слово «невеста» я бы задала портняжке Дильбер. Но в тот момент я была так испугана, что закричала вместе с ней:

– Клянусь Аллахом, ашчи-баши, я невеста!

Не встречала человека более взбалмошного и упрямого, чем этот повар. Он сначала не поверил.

– Э, нет, разве невеста может быть воровкой? – Затем, немного образумившись, добавил: – Если так, bravo, ханым-невеста! Только тебе придется купить мне новые штаны. Видишь, из-за тебя я разодрал коленку.

При падении бедняга также оцарапал себе нос. Но, к счастью, за него он не требовал компенсации.

Я просила присутствующих не разглашать это происшествие, но, разумеется, комедия сделалась достоянием всех, и часто за столом родные иронически поглядывали на меня и пересмеивались.

До свадьбы оставалось три дня.

Как-то вечером, когда мы играли с детьми, прыгая через веревку у садовой калитки, я опять подверглась нападению. На этот раз атаковала сама мадемуазель портниха, которая на

¹⁸ Калфа – подмастерье, экономка, прислуга. Часто прибавляется к собственному имени как мужскому, так и женскому.

¹⁹ Ашчи-баши – повар, буквально: главный повар.

дней спасла меня от повара. Шестидесятилетняя дева в очках, вот уже лет тридцать обшивающая весь наш дом, была самым деликатным и самым вежливым человеком на свете. Но в этот день даже она обрушилась на меня.

– Мадемуазель, – сказала она, – через несколько дней мы назовем вас мадам. Ну хорошо ли вы поступаете?.. Вот уже полчаса я ищу вас для последней примерки.

Конечно, и моя тетка Бесимэ была заодно с мадемуазель, ее хмурое лицо не предвещало ничего хорошего.

– Пардон, мадемуазель, – оправдывалась я. – Мы были здесь. Уверяю вас, я не слышала...

В конце концов тетка не выдержала, взяла меня за подбородок, потрепала по щеке, как всегда, когда я заслуживала порицания, и сказала:

– Дитя мое, да ты и не услышишь никого из-за своего громкого голоса и смеха. Я уже начинаю бояться, как бы ты и через три дня не выкинула какой-нибудь фокус в присутствии наших гостей...

Хотя все эти дни я проказила больше, чем обычно, но сердце мое было наполнено странным волнением, мне хотелось быть обласканной, жить со всеми в ладу.

Тетка продолжала держать меня за подбородок. Я приподняла пальцами подол юбки и сделала реверанс.

– Не волнуйтесь, тетя. Осталось совсем немного. Вам придется потерпеть всего лишь три денечка. Тогда вы станете для меня не только тетей... Могу вас уверить, те шалости и проказы, которыми Чалыкушу донимала своя тетушку Бесимэ, Феридэ не посмеет повторить перед уважаемой ханым-эфенди!..

Глаза тетки наполнились слезами. Она поцеловала меня в щеку и сказала:

– Я всегда была тебе матерью, Феридэ, и навеки ею останусь.

Я так разволновалась, что схватила вдруг тетушку за руки и тоже поцеловала в щеку.

Когда мадемуазель подняла на руках мое белое платье, которое было почти готово, я почувствовала, что краснею. Обняв и перецеловав всех, кто был рядом, я взмолилась:

– Прошу вас, уйдите из комнаты. Я не смогу одеться у всех на глазах. Представьте себе: Чалыкушу наденет платье со шлейфом и превратится в павлина! Ах, как это смешно!.. Я, наверно, и сама буду смеяться. Как я просила разрешить мне быть на торжестве в обыкновенном платье... Но разве кто послушал?! Никому нет дела до моего горя.

Когда мадемуазель направилась ко мне с платьем, я заметалась по комнате, забилась в угол, дрожа, словно осиновый листок. Стоящие за дверью шумели, пытались ворваться в комнату. Я умоляла:

– Еще немножко. Прошу вас, минуточку... Я всех позову.

Но домашние мне не верили, продолжали ломиться в дверь, боясь, что я их обману.

Началась борьба. Те, кто стояли за порогом, большие и малые, смеялись, лезли, толкались, распахивали дверь. Я же изо всех сил старалась сдерживать натиск.

В коридоре стоял невообразимый шум от топота детских башмаков, подбитых железными подковками.

– Наступление!.. Война!.. – горланили дети.

На шум сбежались все обитатели дома.

Мадемуазель кричала через мое плечо:

– Отойдите, ради Аллаха!.. Не надо!.. Платье рвется!..

Но ее никто даже не услышал.

Вдруг шум за дверью стих. Раздались шаги и голос Кямрана:

– Открой, Феридэ, это я... Мне, конечно, не запрещается... Пусты меня, я хочу тебе помочь...

Я чуть не сошла с ума.

– Пусть войдут все – это ничего!.. Но тебе нельзя!.. Уходи, ради Аллаха!.. Клянусь, я буду плакать.

Кямран, не обращая внимания на мои мольбы, навалился на дверь. Обе половинки распахнулись.

Я с криком кинулась в угол комнаты, схватила какое-то пальто, закуталась в него и съжилась...

Мадемуазель была близка к обмороку, она рвала на себе волосы и причитала:

– Пропало мое чудесное платье!..

Кямран ухватился за пальто, которым я прикрывалась, и сказал улыбаясь:

– Пора признать свое поражение, Феридэ. Откройся, я взгляну на платье.

Казалось, я окаменела, у меня отнялся язык.

Подождав минуту, Кямран продолжал:

– Феридэ, я только что с прогулки... Очень устал. Не упрямясь. Мне так хочется увидеть тебя в новом платье. Смотри, я вынужден буду прибегнуть к силе. Считаю до пяти: раз... два... три... четыре... пять...

Кямран старался считать как можно медленнее. Сказав «пять», он потянул пальто за рукав, но тут увидел мое лицо, залитое слезами, и совсем растерялся. Он с трудом вытолкал всех посторонних из комнаты, захлопнул дверь.

Мадемуазель от изумления лишилась дара речи. Кямран, кажется, был в таком же состоянии. Помолчав немного, он сказал наконец робким, удрученным голосом:

– Прости, Феридэ... Я хотел с тобой немного пошутить. Думал, у меня есть на это право... Но ты все такой же ребенок! Скажи, ты простишь меня?

Продолжая закрывать лицо, я ответила:

– Хорошо... Но ты сейчас же уйдешь из комнаты.

– С одним условием. Я буду ждать тебя в конце сада у большого камня... Помнишь, однажды под вечер, четыре года тому назад, мы помирились с тобой на том месте. Сделаем и сейчас так же. Дашь слово прийти?..

После короткого колебания я сказала:

– Хорошо, я приду... Но сейчас уходи.

Бедная мадемуазель боялась даже разговаривать с невестой, обладающей столь странным характером. Она молча раздела меня, и я снова облачилась в свое коротенькое розовое платье, а поверх надела черный школьный передник. Не взглянув даже на Мюжгян, я бросилась к себе в комнату и долго умывалась холодной водой, пока глаза не перестали быть красными.

Когда я спустилась в сад, уже смеркалось. Теперь мне надо было прокрасться к Кямрану.

Делая вид, будто это обычная прогулка, я прошла за кухней, перекинулась двумя-тремя словами с поваром, затем медленно направилась к воротам. План мой был таков: сначала заметить следы, а затем уже вдоль забора, садом пробраться к большому камню. Но...

* * *

Наша дворовая калитка была, как всегда, открыта, и я вдруг увидела у ворот высокую женщину в черном чаршафе. Лицо ее было скрыто под чадрой. Вид у женщины был такой, словно она хотела что-то узнать в нашем доме, но не осмеливалась войти.

Кямран давно уже ждал меня. Боясь, что под чадрой окажется какая-нибудь знакомая женщина, которая заговорит со мной и задержит, я хотела было скрыться за деревьями. Но тут незнакомка окликнула меня:

– Барышня, милая, простите за беспокойство...

Мне пришлось подойти к воротам.

– Пожалуйста, ханым-эфенди, – сказала я. – К вашим услугам. Что вам угодно...

- Это особняк покойного Сейфеддина-паши, не так ли?
- Да, ханым-эфенди.
- А вы тоже здесь живете, барышня?
- Да.
- В таком случае у меня к вам просьба.
- Приказывайте, ханым-эфенди.
- Мне надо поговорить с госпожой Феридэ...

Я даже вздрогнула и, чтобы не рассмеяться, нагнула голову! Меня впервые в жизни величали госпожой.

Было немислимо сознаться, что я и есть «госпожа Феридэ». У меня не хватило смелости сделать это.

– Ну что ж, ханым-эфенди, – кусая губы, ответила я, – извольте пожаловать в дом. Вы спросите в особняке, и вам позовут госпожу Феридэ...

Женщина в черном чаршафе вошла в калитку и приблизилась ко мне.

– Как хорошо, что я вас встретила, дитя мое, – сказала она. – Прошу вас, помогите мне. Вы будете свидетелем моего разговора с Феридэ-ханым. Только об этом никто не должен знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.